
exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2018 №3

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель
Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный редактор
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь
А. В. Кожевникова (г. Иркутск)

Редакционный совет:
К. С. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. А. Смирнов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:
664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются*

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2018

Содержание

Брянская Е. В. Уважение чести и достоинства личности несовершеннолетнего в процессе доказывания по уголовному делу	2
Бурмейстер В. А. Теоретико-правовая природа и видовое многообразие внутригосударственных публично-властных образований	6
Быкова Е. С. Принципы деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации	11
Канцидайло Н. В. О некоторых проблемах прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения	15
Кузнецов Р. Д. О необходимости введения уголовной ответственности за незаконное обогащение	19
Леер А. Д. Проблемы правовой природы договора доверительного управления исключительными правами	23
Саперова Д. М. К вопросу о проблеме установления предельного возраста для кандидата в Президенты Российской Федерации	26
Силивеев И. М. Неисполнение решение региональных органов конституционной юстиции: конституционный деликт или уголовное преступление.....	31
Тирских М. Г. Социально-политические преобразования и политический режим	35

Уважение чести и достоинства личности несовершеннолетнего в процессе доказывания по уголовному делу

© Брянская Е. В., 2018

Е. В. Брянская

кандидат юридических наук, доцент, кафедры судебного права; Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: veret.1976@mail.ru

Аннотация. Российское законодательство должно ориентироваться на основополагающие начала уголовного судопроизводства, одним из которых является принцип уважения чести и достоинства личности. Положения данного принципа соответствуют Пекинским правилам, которые содержат основные положения юридической доктрины о несовершеннолетнем. В настоящее время актуальны общие принципы защиты прав несовершеннолетнего, а также существенное место занимают проблемы создания достойных условий жизни и воспитания детей, что рассматривается как важнейшее средство ранней превенции преступности несовершеннолетних.

Уголовная политика, начиная с середины XX в., решает задачу сокращения сферы деятельности карательной уголовной юстиции введением новых методов. Отчасти это сокращение достигается корректировкой следственной и судебной практики, расширением возможностей гуманизации на всех стадиях уголовного правосудия.

Справедливы слова Е. М. Варпаховской: «Двадцатый век вошел в историю как эпоха бурного развития науки, техники, экономики и права. Развитие правовых отношений коснулось и вопросов защиты прав несовершеннолетних лиц. Дети (малолетние и несовершеннолетние), несмотря на физиологические, психологические и социальные особенности, являются гражданами, членами общества, соответственно, имеют право быть услышанными, выражать свое мнение, быть защищенными, в том числе, от преступных посягательств» [3, с. 100].

Процесс доказывания по уголовному делу является стержневым понятием, поскольку реализуется посредством проведения процессуальных, следственных действий. В частности, этап собирания доказательств по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должен проходить в тесной взаимосвязи с обеспечением всех гуманных гарантий ребенка. Относительно расследования и рассмотрения в суде уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, цель заключается не столько в том, чтобы наказать несовершеннолетнего, а в сколько в помощи ему встать на истинный путь, сделать выводы и предупредить возможную дальнейшую преступность несовершеннолетних. В этом заключается смысл восстановительного правосудия. Каждый следователь, дознаватель, судья должен понимать, что в его руках судьба еще не сформировавшейся личности, значит, нужно так строить процесс доказывания по уголовному делу, чтобы он был продуманным, гуманным, с учетом пси-

хологического, индивидуального подхода к каждому ребенку.

В настоящее время в аспекте гуманизации российского законодательства по правам несовершеннолетних понятие «дружественного правосудия» становится все более актуальным.

В этой связи М. Н. Садовникова отмечает, что впервые термин «дружественное к ребенку правосудие» раскрыт в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., в частности под «дружественным к ребенку правосудием» подразумевается система судопроизводства в отношении детей, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение. Автор справедливо отмечает: «...стратегия раскрывает основные принципы и элементы дружественного к ребенку правосудия. Вместе с тем практическая их реализация зависит именно от «дружественного» подхода к ребенку, оказавшемуся в системе правосудия, к его семье и окружению» [12, с. 92].

В целях развития гуманного подхода к правам несовершеннолетних Юридическим институтом Иркутского государственного университета регулярно проводятся мероприятия, направленные на совместное обсуждение проблем прав несовершеннолетних. Научно-практические мероприятия ЮИ ИГУ являются отправной точкой для приложения усилий к формированию согласованных подходов судебных органов, образовательных учреждений и всех государственных и негосударственных институтов по созданию системы дружественного к ребенку правосудия и восстановительных технологий для эффективного механизма защиты прав детей [12, с. 92].

В аспекте дружественного правосудия наиболее актуальным выступает принцип уважения чести и достоинства личности. Именно дружественное правосудие предполагает отношение к ребенку, к его правам в аспекте уважения. Дружественное правосудие имеет своей

предпосылкой личностный подход к несовершеннолетнему.

В целом хотелось бы отметить, что независимо от статуса несовершеннолетнего при производстве по уголовному делу следует предъявлять особые требования к дознавателю, следователю, судье, в производстве которых находится уголовное дело. Высоконравственное поведение сотрудников органов уголовного преследования, суда, в том числе и защитника, их моральные начала – это показатели реализации основополагающей нормы уголовного судопроизводства об уважении чести, достоинства личности несовершеннолетнего.

Более того, справедливым является мнение Е. В. Горбачевой о том, что до тех пор, пока законодательно не будет определено, что дела о преступлениях несовершеннолетних расследуют только специальные следователи и дознаватели, а рассматривают дела – только судьи, прошедшие дополнительную профессиональную подготовку, специализация расследования и разрешения уголовных дел не будет обеспечена [4, с. 66].

С. Б. Россинский считает, что «политические и социально-экономические реалии существования и развития государств, возникших на постсоветском пространстве, обусловленные признанием приоритета прав и свобод личности, ратификацией и постепенной имплементацией целого ряда международно-правовых актов, неизбежно повлияли на необходимость существенного изменения концептуальных подходов к национальным моделям уголовного судопроизводства, на пересмотр целого ряда доктринальных постулатов, на некоторое изменение вектора развития уголовно-процессуальной науки» [11, с. 3].

В этой связи заметим, что принцип уважения чести и достоинства личности направлен на реализацию гарантий как Пекинских правил, так и ст. 2 Конституции РФ, согласно которой высшей ценностью в нашем государстве признаются человек, его права и свободы.

Разумеется, общая концепция УПК РФ имеет свое отражение в назначении и принципах уголовного судопроизводства [17, с. 137; 15, с. 1071; 16, с. 431–432; 6, с. 15; 2, с. 26; 19, с. 70].

Их значимость хорошо обозначил В. К. Случевский, который написал об уголовно-процессуальных началах «как принципах, проникающих во все моменты движения уголовного процесса. В частности, нередко судья был бы не в состоянии разрешить встретившийся ему процессуальный казус или выйти из затруднительного положения, в которое ставят его недостатки или недомолвки закона, если бы не существовало принципов уголовно-процессуального закона, – они играют для судьи роль маяков, освещающих его путь» [14, с. 49]. Более того, правовые принципы, являясь элементами правовой политики, предопределяют содержание не толь-

ко действующих, но и будущих правовых норм [1, с. 502].

По мнению С. С. Алексеева, гл. 2 Конституции РФ, в которой закреплены права и свободы человека и гражданина, фиксирует на самом высоком нормативном уровне руководящие положения, которым должны соответствовать акты всех нормотворческих, правоприменительных органов [1, с. 502]. В частности, принцип уважения чести и достоинства личности, регламентированный УПК РФ, в полной мере соответствует Конституции РФ и является гарантом прав несовершеннолетних.

Прежде всего следует отметить, что в УПК РФ нашла отражение концепция, согласно которой уголовное судопроизводство рассматривается в качестве средства защиты от любых форм произвола. Так, в качестве одного из видов назначения уголовного судопроизводства определена защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Часть 2 ст. 6 УПК РФ, в качестве развития п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, уточняет, что реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, отвечает назначению уголовного судопроизводства [9, с. 24].

Возникает вопрос: как рассматривать назначение уголовного судопроизводства (защиту личности несовершеннолетнего от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод) – в качестве принципа или задачи, цели уголовного судопроизводства? По нашему мнению, назначение напрямую отражает задачи, которые должны осуществляться соответственно принципам уголовного судопроизводства.

Принцип уважения чести и достоинства в аспекте личности несовершеннолетнего направлен на реализацию ст. 6 УПК РФ.

В свете ст. 9 УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства запрещаются: осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья.

Ни один несовершеннолетний не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Общезвестным фактом является то, что в результате действий сотрудников правоохранительных органов и суда наносится урон чести и достоинству личности, следовательно, нарушается принцип уважения чести и достоинства личности. В этой связи подчеркнем, что уважение чести и достоинства в правовом аспекте – это конституционная обязанность государственных органов и их должностных лиц, которая основа-

на на признании несовершеннолетнего личностью и служит охране моральных благ [8, с. 28].

Принцип уважения человеческого достоинства несовершеннолетнего вытекает из принципа гуманизма и состоит в том, что реализация идей УПК РФ должна основываться на общечеловеческих ценностях и не иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства [5, с. 35].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ст. 220. 1 и 220. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» сказано, что в преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено признание достоинства, присущего всем членам человеческого сообщества, являющегося основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности [10].

В соответствии со ст. 21 Конституции РФ государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (ч. 2 ст. 17, ст. 18 Конституции РФ). Из этого следует, что личность ребенка в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) и спорить с государством в лице любых его органов, посредством всех процессуальных гарантий, закрепленных УПК РФ.

Никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав. Данное обстоятельство напрямую отражает принятие во внимание достоинства ребенка именно с позиции уважения, т. е. отношения к несовершеннолетнему как высшей ценности в обществе. Статья 2 Конституции РФ гласит: человек, его права и свободы являются высшей ценностью и признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Представляются важными высказывания авторов о том, что «принцип уважения чести и достоинства личности обнаруживается в обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора и судьи не допускать действий, умаляющих честь подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в процессе расследования и разбирательства дела, не обращаться таким образом, будто виновность его уже установлена» [8, с. 45]. Такие слова особенно актуальны и в защиту законных прав несовершеннолетних.

Настоящее время характеризуется тем, что взрослые в погоне за социальными благами забывают о важной составляющей нашей жизни. Сегодня можно говорить о существующем кризисе отношения в нашем обществе к детям, охватившем все уровни – семью, образовательные

учреждения, армию, школу. И важная проблема этого кризиса – это утрата понимания, любви ребенка [13, с. 53].

Уважение достоинства личности ребенка имеет прямую связь с гуманным отношением к нему, которое построено на человеколюбии. Гуманизация прав несовершеннолетних предполагает необходимость уважать и принимать ребенка как личность, учитывая его умственные, физические, нравственно-психологические особенности.

Разумеется, может возникнуть вопрос, достоин ли уважения несовершеннолетний, совершивший умышленное убийство. Уважение нами рассматривается в аспекте реализации процессуальных гарантий несовершеннолетнего, в основе которого заложено понимание заботы о ребенке. Совершение преступления ребенком – это социальная, глобальная проблема всего государства. В преступности несовершеннолетних заложены глубокие факторы нашей общей реальной действительности. Поэтому в силу п. 5.1 Пекинских правил система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения.

Кроме того, уважение к правам несовершеннолетнего должно быть реализовано в аспекте конфиденциальности, во избежание причинения вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации. На основании п. 8.2 Пекинских правил не должна публиковаться никакая информация, которая может привести к наказанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя. Материалы уголовных дел несовершеннолетних должны быть доступны ограниченному кругу лиц. Таким образом, как справедливо отмечает Э. Б. Мельникова, указанные правила возводят конфиденциальность (закрытость) процесса по делам несовершеннолетних в ранг неотъемлемого права всего судопроизводства [7, с. 90].

Анализ уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что объем прав несовершеннолетних в некоторой степени сужен. В главе 50 УПК РФ, посвященной производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, нет ни одной нормы, закрепляющей право несовершеннолетнего на конфиденциальное производство [20, с. 92].

Пекинские правила требуют уважения прав подростка на конфиденциальность на всех стадиях уголовного процесса (п. 8.1). Нам представляется, что УПК РФ необходимо дополнить аналогичной нормой с той целью, чтобы не только судебные заседания по делам несовершеннолетних проходили в закрытой форме, но и предва-

рительное расследование носило строго конфиденциальный характер.

В этой связи стоит вспомнить ч. 2 ст. 161 УПК РФ, которая обязывает следователя и дознавателя предупреждать участников судопроизводства о недопустимости разглашения ставших им известными данных предварительного расследования по всем уголовным делам без исключения, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. Лицам, ведущим расследование, особенно по делам несовершеннолетних, необходимо строго и неуклонно соблюдать обязанность, предусмотренную для них ст. 161 УПК РФ, которая к тому же является общим условием предварительного следствия и дознания (гл. 21) [18, с. 32].

В результате проведенного нами исследования можно констатировать факты, имеющие место при производстве предварительного расследования, когда, в частности, одновременно в одном кабинете могут допрашиваться несовершеннолетние, проходящие по одному и тому же уголовному делу, хоть и разными следователями, но в присутствии одного защитника, который одновременно оказывает защиту в двух допросах. Думается, такое положение не только противоречит нормам о процессуальной форме допроса, но и правилам тактичности и уважительного отношения к участникам процесса.

По нашему мнению, в основу личного подхода к несовершеннолетнему необходимо закладывать корректное отношение, которое будет гарантом реализации принципа уважения чести и достоинства личности.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. – Свердловск : СЮИ, 1972. – Т. 1. – 396 с.
2. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части / В. В. Вандышев. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 720 с.
3. Варпаховская Е. М. Эволюция российского законодательства в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе в советский и современный периоды развития государства // Сиб. юрид. вестн. – 2016. – № 1 (72). – С. 100-106.
4. Горбачева Е. В. К вопросу о некоторых особенностях предварительного расследования преступлений несовершеннолетних // Сиб. юрид. вестн. – 2008. – № 1. – С. 65-75.
5. Комментарий к Федеральному закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» / под ред. А. С. Михлина, В. И. Селиверстова. – М. : СПАРК, 2005. – 585 с.
6. Лупинская П. Советский уголовный процесс // Сов. юстиция. – 1983. – № 10. – С. 10-15.
7. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики : учеб. пособие / Э. Б. Мельникова. – М. : Дело, 2000. – 272 с.
8. Москалькова Т. Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / Т. Н. Москалькова. – М., 1987. – 210 с.
9. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – М. : Спарк, 2002. – 1007 с.
10. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1764.
11. Россинский С. Б. О понятии и сущности принципов уголовного судопроизводства в России и Узбекистане // Хукукий тадқиқотлар журнали (Узбекистан). – 2017. – № 2. – С. 3-19.
12. Садовникова М. Н. Дружественное к ребенку правосудие и восстановительно-медиативные технологии: аналитический обзор научно-практических форумов в Восточной Сибири / М. Н. Садовникова, Э. Л. Раднаева // Сиб. юрид. вестн. – 2016. – № 1 (72). – С. 92-99.
13. Сиразетдинова Э. И. Януш Корчак и его концепция любви к детям // Молодежь и наука. – 2013. – № 3. – С. 53-56.
14. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство / В. К. Случевский. – СПб. : 1910. – 683 с.
15. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 1600 с.
16. Строгович М. С. Социалистическая законность. Энциклопедический словарь правовых знаний / М. С. Строгович. – М. : 1965. – С. 431-432.
17. Термин «принцип» происходит от латинского «*principium*», означает «начало», «основа». Словарь иностранных слов / под ред. В. В. Иванова. – М. : ??, 1983. – 207 с.
18. Тетюев С. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : учеб. пособие / под ред. А. В. Кудрявцевой. – М. : 2007. – 192 с.
19. Элькин П. С. Сущность и значение отдельных принципов уголовного процесса // Уголов. процесс. – М., 1972. – С. 70-79.
20. Якушева Т. В. О конфиденциальности в отношении несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015. – № 4. – С. 91-93.

Теоретико-правовая природа и видовое многообразие внутригосударственных публично-властных образований

© Бурмейстер В. А., 2018

В. А. Бурмейстер

аспирант 3-го года обучения, кафедра конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: vburmeister@icloud.com

Научный руководитель:

М. Г. Тирских, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tirkm@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности внутригосударственных публично-правовых образований с точки зрения их сущности и правовой природы. Определяется возможность разграничения таких образований в зависимости от их функционала. Предлагается выделение нескольких типов ВППО в зависимости от способа наделения функциями.

Ключевые слова: внутригосударственные публично правовые образования, государство, орган государственной власти, функции государства.

Государство развивается в конкретных исторических условиях, и необходимость осуществления функций государства обеспечивает создание тех или иных органов и структур, форма которых обусловлена уровнем развития конкретного общества в определенных исторических условиях.

При этом публично-правовые образования являются основными структурными образованиями общества, которые выполняют определенные функции как для государства так и для общества.

Еще раз напомним, что под *правовыми образованиями* мы понимаем организационно-правовые формы, создание которых предусмотрено действующим законодательством.

В Российской Федерации конституция закрепляет основные правовые институты государства, такие как: Президент, Правительство, Федеральное Собрание, Верховный Суд, Конституционный Суд, Прокуратура и др. У каждого из данных институтов есть свои функции и полномочия, строго определенные компетенции, при реализации которых, в том числе в обществе осуществляется регулирование общественных отношений правовыми способами. Существует презумпция законности, предполагающая, что каждый из предусмотренных правовых институтов осуществляет свою работу в рамках требований действующих нормативно-правовых актов, закрепляющих правовые основы их деятельности.

Например Федеральный закон «Об общественных объединениях» [1] в ст. 7 закрепляет семь организационно-правовых форм общественных объединений, Гражданский Кодекс Российской Федерации в ч. 2 ст. 48 признает юридическим лицом только зарегистрирован-

ную в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных ГК РФ. Однако не все ВППО являются юридическими лицами.

Следует отметить, что в ст. 33 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрен открытый перечень форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления [2].

На наш взгляд многообразие организационно-правовых форм можно разделить по целям их деятельности на публичные – призванные обеспечивать общественный интерес и частные – направленные на реализацию интересы частных лиц. Такое деление является традиционным со времен римского права и дошло до настоящего времени.

Частное право в отличие от публичного, регулирует отношения, обеспечивающие частные интересы, автономию и инициативу (частных) собственников и их объединений в их имущественной деятельности и личных отношениях. В свою очередь частное право опирается на диспозитивный метод правового регулирования и имеет горизонтальные связи равных субъектов [3, с. 696].

В то время, как публичное право определяется как отрасль права, нормы которой, в отличие от частного права регулируют деятельность органов государства, отношения между гражданами и государством, административные отношения и др. Публичное право в основном использует императивный метод правового регулирования и имеет главным образом вертикальные, властные связи между субъектами [3, с. 684].

На данном этапе стоит определиться с тем, что представляет собой публично-правовое образование. С точки зрения естественного права это организационно правовая форма осуществления власти посредством сложившихся институтов управления и самоуправления в их организационно-правовых формах. В первую очередь можно выделить государство как наиболее устойчивую форму управления, сложившаяся исторически. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также другие организационно-правовые формы созданы для осуществления власти. В таком случае сфера международной деятельности внутригосударственных публично-правовых образований будет рассматриваться с точки зрения реализации естественного права народа на международное общение с помощью специально созданных для реализации данных функций первичных и производных органов.

С точки зрения позитивного права, публично правовые образования есть совокупность компетенций (прав и обязанностей) которыми наделяются такие организационно-правовые формы, специально создаваемые для реализации отдельных функций государства.

Понятие «властное образование» употребляется для выражения признака власти у субъектов общественных отношений. Термин «власть» может пониматься как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле «власть» обозначает возможность или способность властвующего субъекта навязать свою волю подвластному субъекту, посредством согласия подвластного при использовании метода убеждения, либо посредством метода принуждения.

В узко-юридическом смысле выделяется особая власть, которая принадлежит всему народу, как субъекту, закрепленная в Конституции, и реализующаяся в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Главной особенностью власти в узко-юридическом смысле является обязательность претворения в жизнь воли властвующего субъекта, и возможность применения методов принуждения в качестве мер обеспечения исполнения воли. Только государство имеет легитимное право использовать механизмы государственного принуждения.

В контексте международной деятельности становится ясно, что формы взаимодействия между ВППО можно разделить на виды.

Взаимодействия ВППО могут происходить в форме коллегиальных, единоначальных, а также общественных форм. В виде деятельности системно-аппаратных, смешанных или общественных организаций.

При разделении всех публично-правовых образований на публично-правовые и публич-

но-властные, стоит учесть, что все публично-властные образования являются публично правовыми, однако не все публично-правовые образования наделяются властными полномочиями в узко юридическом смысле, и, следовательно, являются публично-правовыми.

В современном государстве публичные органы решают самые насущные вопросы необходимые для развития и процветания общества. Необходимые функции распределены между разными уровнями публичной власти, компетенция и полномочия которых предусмотрены в соответствующих нормативно-правовых актах.

Приближаясь к вопросу правового регулирования международной деятельности ВППО, стоит определить место ВППО в системе права. Так как право является основным регулятором общественных отношений, то инструментами создания в обществе определенного порядка созданные правом и обеспеченные государством, являются органы государства, выполняющие функции государства как единого организма. Выступая регулятором общественных отношений, право дает возможность, и обязывает вступать правоотношения отдельных его участников.

Однако, как отмечал Н. А. Пьянов, дискуссию среди ученых вызывает вопрос «Являются ли правоотношения результатом действия норм права, или они могут возникать еще до их появления» [4, с. 193]. Правоотношение – это «выраженная в корреспондирующих друг другу субъективных юридических правах и обязанностях и обеспеченная государством правовая связь участников общественных отношений, которая устанавливается нормами позитивного права и индивидуальными правовыми актами» [4, с. 196]. Публичные правоотношения, складывающиеся на основе норм публичного права основаны на отношениях власти-подчинения.

ВППО по своей юридической природе созданы для выполнения определенных задач. Так, органы государственной власти и государственные корпорации выполняют определенные в нормативно-правовых актах функции, субъекты федерации обладают компетенцией, а органы местного самоуправления занимаются решением вопросов местного значения. Характер отношений, в которых участвуют внутригосударственные публично-правовые образования отличает их от других видов образований. Коммерческие организации имеют целью получение прибыли, некоммерческие имеют право получать прибыль только в целях своей деятельности. Общественные организации могут выполнять самые разнообразные функции, однако все они не обладают властью в узком смысле, в качестве способности или возможности применять

механизмы государственной власти и нормативно-правового регулирования. Однако, государство может делегировать выполнение отдельных функций с передачей необходимых для их осуществления ресурсов.

ВППО является частью общества, созданной им для реализации функций. Для того, чтобы определенная часть общества имела право на международное общение, в законодательстве должны быть предусмотрены соответствующие нормы, позволяющие заниматься международной деятельностью. Так как государство принимает законы и является выразителем воли всего общества, то оно может принять любой нормативно-правовой акт, который закрепляет положения, являющиеся выражением воли всего народа, или его части.

Общество имеет право на международное общение всегда, но имеет возможность вступать в международные отношения только с помощью специально созданных организаций и структур, наделенных соответствующими компетенциями.

Извечный теоретический вопрос состоит в том, чьи интересы первичны, государства или общества, или даже тех сообществ, которые хотят реализовать свое право на международное общение правовыми методами. Не стоит забывать, что внешнюю политику определяет государство на уровне центрального аппарата, и все международное общение не должно идти вразрез с политикой проводимой в государстве.

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе стоит обратиться к природе публично-правовых образований. О природе публично-правовых образований можно поразмышлять в теоретическом контексте того, как создаются ППО, кем наделяются властными полномочиями и в чем заключается их деятельность.

1. Первый вид – это публично-правовые образования, которые создаются обществом и обществом наделяется правом. Таким публично-правовым образованием является само государство, которое самостоятельно регулирует вопросы своей деятельности с помощью различных, в том числе и специальных средств и методов. Общество в случае необходимости может создать и другие ППО, которые будут участвовать в такой деятельности. Фактически это замещение государственных функций, необходимые в силу возникновения какой-либо специфической ситуации. В качестве примера такой ситуации мы можем рассматривать казус распада государств и появления некоего политического образования, имеющего квазигосударственные функции (вновь образующиеся структуры в рамках процессов распада СССР, СФРЮ – Югославия, ЧССР – Чехословацкая Советская Республика). В частности, в практической сфере в последние

десятилетия стали активно использоваться такие категории, как например «Переходные правительства», участвовавшие в международной деятельности в период гражданского конфликта в Ливии и ряде других государств.

2. ППО которые создаются государством и им же наделяется правами, обязанностями и функциями. Такими публично-правовыми образованиями являются например органы государственной власти, административно-территориальные единицы и субъекты федераций.

3. ППО создается обществом, а правом наделяется государством. В данном случае мы можем говорить например об органах местного самоуправления, которые не являются органами государства, однако могут наделяться государством определенными властными полномочиями, с передачей средств, необходимых для их осуществления.

4. ППО создается из лиц, уже являющихся представителями, наделенными полномочиями, которые начинают действовать либо непосредственно, либо по установленному регламенту. В данном случае можно говорить, например, о собраниях глав субъектов, объединении муниципалитетов и других структурах, которые собираются для решения конкретных вопросов по случаю, или для целей координации действий отдельных участников. Таким образованиям не нужно дополнительное подтверждение полномочий на осуществление международной деятельности, поскольку они фактически лишь реализуют потенциал международной деятельности своих участников, однако, является своего рода правовыми рамками и не могут выходить за пределы полномочий этих участников в сфере международной деятельности.

Если взглянуть на существование «Права международного общения» с точки зрения государства, то с позитивистских взглядов возможно предположить, что если интересы части общества идут вразрез с политикой государства, то стоит изменить не политику государства, а взгляды общества или части общества.

Если природа такого «права международного общения» естественная, а государство является органической формой организации общества, то государство должно измениться вслед за обществом до такой степени, чтобы изменения коснулись и законодательства, которое следует за изменениями общества.

А если исходить из смешанной природы, то государство должно прислушиваться к ситуации, которая складывается в обществе и вывести потенциальную возможность международного взаимодействия ВППО в рамках не противоречия с действующими законодательством.

С точки зрения позитивистского подхода, право это есть закон, принятый в виде нормативно-правового акта определенной юридической силы. Все нормативно-правовые акты находятся в иерархии и представляют собой единую систему, которая эффективно действует в большинстве случаев, однако определенные проблемы возникают в ситуациях противоречия одних норм другим, либо при отсутствии должного регулирования общественных отношений. Тогда используется коллизионное право, которое призвано регулировать противоречие нормативных актов, а также аналогия права и аналогия закона для преодоления пробелов в законодательстве.

В теории государства и права любят подходить к любому вопросу как с позитивистских подходов, так и с естественно-правовых. С точки зрения естественно-правового подхода право возникает само по себе и должно обрести свою правовую форму посредством закрепления законодателем. Можно с уверенностью сказать, что право на международную деятельность у субъектов и тем более у приграничных муниципалитетов сформировалось естественным путем, так как затрагивает интересы субъектов и муниципалитетов, а значит должно быть закреплено в законодательстве, иначе право и закон все больше будут удаляться друг от друга, что создаст коллизию интересов.

Активность министерства иностранных дел в последнее время относительно вопроса о международной деятельности внутригосударственных субъектов показывает, что назрела необходимость дальнейшего нормативного регулирования на уровне федерального законодательства, а первой особенностью нормативных актов касающихся международной деятельности субъектов РФ и местного самоуправления является федеративная структура РФ, предусматривающая наличие законодательства субъектов, вопросов исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Основная деятельность отдельных внутригосударственных публично-правовых образований изучена достаточно хорошо. В зависимости от типов государств, формы государственного устройства, формы правления различаются и те основные виды деятельности, которыми занимаются ВППО, объем переданных полномочий и компетенции. Остается малоизученным или не изученным вообще то, каким образом международная деятельность сказывается на качестве выполнения основных функций внутригосударственных публично-правовых образований.

Кроме того, остается малоизученным вопрос об ответственности в случае превышения пределов совместного ведения Российской Федерации

и ее субъекта. Возможным решением станет правовое положение о том, что президент Российской Федерации вправе приостановить действие акта высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), а также действие акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в случае противоречия этого акта Конституции Российской Федерации, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом.

Государство выполняет свои функции посредством всего механизма государственной власти, внешне выражаемого через органы государства. Любой орган государственной власти является публично-правовым образованием [5]. Классически выделяют три вида власти: законодательную, исполнительную и судебную. Когда мы говорим о публично-властных образованиях, то в узко юридическом смысле это будут законодательные и исполнительные органы на уровне федерации и субъектов (а также на уровне административно-территориальных единиц в государствах с унитарной формой государственного устройства), органы судейского сообщества, Государственные корпорации, а также муниципальные образования.

Выполняя свои основные функции, все внутригосударственные публично-правовые образования участвуют в международной деятельности. В противном случае, полноценная реализация функций ВППО оказывается затруднительной и в некоторых случаях даже невозможной.

Степень участия органов государственной власти в зависимости от интенсивности участия в международных отношениях можно разделить по видам: 1 – не занимаются и не могут заниматься международной деятельностью, в силу предписаний нормативно-правовых актов; 2 – занимаются международной деятельностью, косвенным образом, выполняя свои основные функции; 3 – профильные, или специальные публично-правовые образования, постоянно и на профессиональной основе осуществляющие международную деятельность.

К числу ВППО, которые не занимаются и не имеют права заниматься международной деятельностью, относятся закрытые и узкоспециализированные организации. В их учредительных документах прямо указано, что они не имеют права предавать огласке сведения, содержащие охраняемую законом тайну, и предусмотрена ответственность за передачу или раскрытие

информации. Такие структуры или отдельные должностные лица работают с государственной тайной или секретами производства. В общем количестве ВППО их число незначительно. «Должностные лица и граждане, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации о государственной тайне, несут уголовную, административную, гражданско-правовую или дисциплинарную ответственность в соответствии с действующим законодательством» [6]. Физическое отсутствие подключения к интернету является самым надежным способом сохранения информации в тайном виде.

Большинство ВППО, занимаются международной деятельностью косвенным образом, а именно распространяют информацию о своей деятельности в сети Интернет, публикуя свои новости, календарные планы, отчеты и другую открытую информацию. Кроме того, такие учреждения могут пользоваться товарами и услугами, созданными за рубежом, и тем самым участвовать косвенным образом в международной экономической деятельности.

К третьей группе относятся профильные, или специальные ВППО, постоянно осуществляющие международную деятельность. В первую очередь, мы говорим о Министерстве иностранных дел, Федеральном агентстве «Россотрудничество», департаментах туризма и отделах внешнеэкономической деятельности субъектов, а также инвестиционных отделах зарубежных проектов и других специально созданных структурах, главной целью деятельности которых является создание и обеспечение информации и ценностей, нацеленных на международное потребление.

Из приведенной классификации видно, что международной деятельностью занимаются практически все публично-правовые образования. Для данного исследования важен факт осознания того, что большинство публично-правовых образований так или иначе вовлечены в глобальный процесс международных отношений.

Помимо своих основных функций, ВППО имеют возможность осуществлять *прямую и косвенную* международную деятельность.

Отметим, что прямой способ участия в международной деятельности, главной особенностью которого является целенаправленное участие ВППО в международной деятельности и международных отношениях, в рамках выполнения своих основных функций.

Косвенным способом является участие в международной деятельности при выполнении своих основных функций путем создания информационного поля вокруг своей сферы деятельности, а также иного участия в международной деятельности при осуществлении своих основных прав и обязанностей. Кажется достаточно экзотичным, однако является неоспоримым фактом, что подавляющее большинство ВППО осуществляют международную деятельность, выполняя свои основные функции и участвуя в программах открытого правительства, открытой информации и публикуясь в СМИ.

Таким образом, очевидно, что правовая природа ВППО многогранна и содержит в себе различные и по функционалу, и по механизму возникновения образования. При этом, международно-правовая функция характерна всем ВППО, хотя и проявляется разнородно в зависимости от природы таких образований.

Список литературы

1. Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 25 мая. – № 100.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – 8 окт. – № 202.
3. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия / А. Б. Барихин. – М. : Litres 2017. – 961 с.
4. Пьянов Н. А. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 1: Теория государства : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 283 с.
5. Дело «Яворивская (Yavorivskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 34687/02 : постановление ЕСПЧ от 21 июля 2005 г. // Бюл. Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 2.
6. О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Рос. газ. – 1993. – 21 сент. – № 182.

Принципы деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации

© Быкова Е. С., 2018

Е. С. Быкова

студентка 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: jenya.irk@me.com

Научный руководитель:

Н. В. Колосов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: kolosovnv@mail.ru

Аннотация. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации представляют собой аналог Счетной палаты Российской Федерации на региональном уровне и обладают особым статусом. Являясь неотъемлемой частью бюджетных отношений, они стали гарантом финансовой и экономической стабильности нашего государства. Эффективной и качественной работы контрольно-счетных органов возможно достичь лишь при неукоснительном следовании принципам деятельности, закрепленным законодательством.

Ключевые слова: финансовый контроль, принципы, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации.

Государственный финансовый контроль представляет собой деятельность уполномоченных государством органов, направленную в том числе на соблюдение законности в рамках осуществления бюджетного процесса.

Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации (далее – КСО субъектов РФ) являются ведущими субъектами данного процесса. КСО субъектов РФ, входящие в систему финансового контроля и осуществляющие публичный аудит на основе принципов законности, эффективности, объективности, независимости и гласности, осуществляют внешний государственный финансовый контроль, в рамках осуществления финансовой деятельности, в том числе и бюджетного процесса на территории субъекта РФ, за соблюдением законодательства в сфере публичных финансов и использованием финансовых ресурсов на региональном уровне.

Существует ряд критериев, в соответствии с которыми оценивается вклад КСО субъектов РФ в социально-экономическое положение общества, важнейшими из которых являются такие как: действенность, экономичность и эффективность.

С принятием Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (далее – Федеральный закон № 6-ФЗ, Закон) подход к определению правового статуса КСО субъектов стал унифицированным, тогда как до этого в ряде регионов они даже не наделялись правами юридического лица, а действовали лишь как структурные элементы органов законодательной власти.

Определяя статус КСО субъектов РФ Федеральный закон № 6-ФЗ также устанавливает и их общие принципы деятельности, которые закреплены в ст. 4 упоминаемого Закона.

В переводе с латинского термин «принцип» (*principium*) означает основу, первоначало, руководящую идею, исходное положение какого-либо явления [6]. Принципы права носят объективный характер и обусловлены существующими социально – экономическими отношениями, а также выступают регуляторами общественных отношений, отражают и одновременно определяют тенденции развития государства [8].

Зафиксированные в ст. 4 Федерального закона № 6-ФЗ принципы взаимодействуют с конституционными нормами-принципами, а также нормами международного права.

Положения Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) (далее – Лимская декларация руководящих принципов контроля), а также положения Декларации принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации, принятой IV Конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 5 декабря 2002 г. (далее – Декларация принципов деятельности КСО РФ), являются основополагающими при определении базовых принципов деятельности КСО субъектов РФ в Федеральном законе № 6-ФЗ.

В соответствии со ст. 2 рассматриваемого Закона «деятельность КСО субъектов РФ основывается на Конституции Российской Федерации и регулируется Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и

исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», Бюджетным кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации, конституциями субъектов Российской Федерации, законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации» [4]. Перейдем к более подробному рассмотрению основных принципов деятельности КСО субъектов РФ.

Одним из основополагающих принципов деятельности КСО субъектов РФ является принцип законности. Реализуясь через законодательное обеспечение деятельности контрольно-счетных органов такой принцип должен гарантировать качественную реализацию возложенных на них задач в сфере финансового контроля. Законность проявляется в необходимости строго и неукоснительно руководствоваться нормами права при совершении контроля в финансово-бюджетной сфере.

Принцип законности в Лимской декларации руководящих принципов контроля обозначен как цель регулирования отношений в рассматриваемой области, которая обеспечивается возможностью принять корректирующие меры и вследствие этого сократить нарушения в будущем [2].

Принцип объективности, указанный в ст. 4 Федерального закона № 6-ФЗ, раскрывается в п. 2.3 Декларации принципов деятельности КСО РФ. В вышеуказанной норме изложено, что данный принцип предполагает строгое соответствие служебного поведения должностных лиц КСО и установленных процедур проведения контроля; регулярную оценку правомерности и эффективности собственной деятельности, самоконтроль; недопущение предвзятости, исключение каких-либо особых мотивов при проведении мероприятий; беспристрастность и обоснованность выводов по результатам проверок, подтверждение их достоверными данными [1].

Одним из важнейших принципов деятельности КСО субъектов РФ является принцип эффективности, который предполагает обеспечение экономической безопасности государства, динамичного развития экономики и рационального использования всех видов государственных ресурсов.

В соответствии с положениями п. 1.3 Декларации принципов деятельности КСО РФ главной целью внешнего государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации является повышение эффективности управления государственными и муниципальными финансовыми ресурсами с целью обеспечения стабильности, развития экономики, соци-

альной сферы общества и улучшения качества жизни граждан [1].

КСО субъектов РФ осуществляют свою деятельность в рамках взаимной поддержки со Счетной палатой Российской Федерации, в связи с этим они часто обращаются к нормативным правовым актам, регулирующим ее деятельность.

С целью раскрытия содержания принципа эффективности деятельности контрольно-счетных органов следует можно обратиться к Стандарту финансового контроля СФК 104 «Проведение аудита эффективности использования государственных средств», утвержденном решением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации (Протокол от 09.06.2009 № 31К (668)) (далее – Стандарт СФК 104) [5].

В Стандарте СФК 104 раскрывается содержание понятия аудита эффективности. Так, в п. 3.1 Стандарта СФК 104 дается определение эффективности использования государственных средств, характеризующееся соотношением между результатами использования средств и затратами. Данное соотношение включает в себя экономичность, продуктивность и результативность использования государственных средств.

Экономичность предполагает использование наименьшего объема государственных (муниципальных) средств для достижения результатов. Под продуктивностью понимается максимальное использование государственных средств по назначению. Результативность характеризуется степенью достижения запланированных результатов использования государственных средств.

Также понятие принципа эффективности закреплено в ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации, основными чертами которого является необходимость достижения участниками бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий наилучших результатов с использованием наименьшего, либо определенного бюджетом объема средств [3].

При особом финансовом контроле расходов бюджетных средств, целесообразности использования государственной собственности принцип эффективности как раз и позволяет реализовать данный подход.

Принципы законности, объективности, эффективности деятельности контрольно-счетных органов достаточно просты для понимания, но одним из самых интересных объектов для обсуждения в освещаемом вопросе является принцип независимости.

Исходя из положений п. 4 ст. 3 Федерального закона № 6-ФЗ, в первую очередь выделяются организационная и функциональная независимость контрольно-счетных органов.

Под организационной независимостью следует понимать исключение влияния на контрольно-счетные органы со стороны иных органов государственной власти в процессе их деятельности.

Функциональную независимость контрольно-счетных органов определяет независимость должностных лиц контрольно-счетных органов, осуществляющих возложенные на них полномочия, исключающая воздействие в какой-либо форме на них или оказания влияния на принимаемые ими решения.

Также перечень гарантий организационной, функциональной и финансовой независимости контрольно-счетных органов установлен п. 2.2 Декларации принципов деятельности КСО РФ и включает в себя формальную и фактическую независимость.

Принцип независимости тесно взаимосвязан с принципом гласности, который заключается в открытости и прозрачности деятельности контрольно-счетных органов, информированности граждан о результатах проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий и принятых по их поводу решений, о мерах по исправлению выявленных вследствие проведения мероприятия нарушений. Данный принцип требует общедоступности результатов финансового контроля для всего общества.

Принцип гласности реализуется посредством ст. 19 Федерального закона № 6-ФЗ. Создание официальных сайтов контрольно-счетных органов, опубликование на этих сайтах или в средствах массовой информации о планируемых мероприятиях, итоговых материалов по результатам данных мероприятий, отчетная информация о деятельности КСО субъектов РФ позволяют информировать общество о реальном положении дел в финансовой и экономической системе государства.

Согласно п. 2.5 Декларации принципов деятельности контрольно-счетных органов РФ принцип гласности предусматривает:

- открытость, доступность и информированность общества о результатах деятельности КСО субъектов РФ;

- представление итоговых (годовых) и текущих отчетов контрольно-счетных органов Российской Федерации органам власти;

- систематическую публикацию в средствах массовой информации отчетных материалов по результатам проверочных мероприятий, а также информации о принятии мер по устранению выявленных нарушений (за исключением информации, содержащей конфиденциальные сведения);

- законодательное закрепление процедуры обнародования результатов контроля.

Федеральным законом № 6-ФЗ установлены всеобъемлющие принципы деятельности контрольно-счетных органов, которыми охвачены все стороны деятельности КСО, широкий смысл которых можно раскрыть с помощью упомянутых в данной статье документов.

Будучи тесно взаимосвязанными между собой принципы деятельности контрольно-счетных органов представляют собой целостную систему, которая позволяет обеспечить осуществление возложенных на контрольно-счетные органы полномочий в сфере внешнего государственного финансового контроля.

Важной составляющей работы КСО субъектов является обеспечение методологического единства и повышение качества контрольной и экспертно-аналитической работы, оказание методической и методологической помощи при осуществлении внешнего финансового контроля, которой осуществляется на основе принципов деятельности.

Эффективной и качественной работы контрольно-счетных органов возможно достичь лишь при неукоснительном следовании указанным принципам.

Список литературы

1. Декларация принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации : принята IV Конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 5 дек. 2002 г. [Электронный ресурс]. - URL: <http://karagai-ksp.ru/DswMedia/deklar.pdf> (дата обращения: 12.02.2018).
2. Лимская декларация руководящих принципов контроля : принята в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 г. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.ach.gov.ru/pdf/declaration/%D0%9B%D0%B8%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%89%D0%B8%D1%85%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F.pdf> (дата обращения: 12.02.2018).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.
4. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 6-ФЗ // Рос. газ. - 2011. - № 29.

5. Проведение аудита эффективности использования государственных средств : стандарт финансового контроля СФК 104 (утв. решением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации (Протокол от 09.06.2009 № 31К (668)) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система..

6. Карташов В. Н. Теория государства и права. Начальный курс / В. Н. Карташов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кострома : Костром. гос. технол. ун-т., 2002. – 176 с.

7. Кондрат Е. Н. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (постатейный) / Е. Н. Кондрат. – М. : [Юстицинформ](#), 2011. – 210 с.

8. Новое в региональном и муниципальном финансовом контроле. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» ученых-правоведов под руководством д-ра юрид. наук, проф. А. А. Ялбулганова. – М. : Библиотечка «Российской газеты», 2012. – Вып. 8. – 144 с.

О некоторых проблемах прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения

© Канцидаило Н. В., 2018

Н. В. Канцидаило

студент 3-го курса, факультет международного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: nik.kan98@mail.ru

Научный руководитель:

М. Г. Тирских, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: tirkm@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые правовые проблемы административной процедуры освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Дан анализ норм законодательства РФ по данному вопросу, проанализирована правоприменительная практика. Дается анализ освидетельствования с точки зрения имеющихся возникающих противоречий и сложностей данного процесса.

Ключевые слова: административное право, освидетельствование, медицинское освидетельствование, мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, состояние опьянения.

С каждым годом число транспортных средств неумолимо растёт. Как следствие растёт и число дорожно-транспортных происшествий. Некоторые водители управляют транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, подвергая тем самым опасности не только себя и своих пассажиров, но и находящихся рядом людей и другие транспортные средства.

Правоохранительные органы не могут обойти эту ситуацию стороной и осуществляют освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Но всегда ли данная мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях производится правомерно? Всегда ли полностью выполняется процессуальный порядок? На эти и некоторые другие проблемные вопросы, возникающие сегодня на практике я постараюсь ответить в своей статье.

По данным Госавтоинспекции за февраль 2018 г. было совершено 9121 дорожно-транспортных происшествий. В этих ДТП погибло 857 человек и было ранено 11 538 человек, среди которых были и дети. 359 дорожно-транспортных происшествий произошли с участием водителей в состоянии опьянения. В них погибло 46 человек и было ранено 519 человек [1]. Цифры действительно поражают, учитывая, что статистика приведена всего лишь за один месяц. Хотя цифры и не столь большие, но стоит учитывать тот факт, что даже 1 человеческая жизнь – бесценна. Кроме того, в ДТП погибают и дети, и молодёжь, у которых ещё вся жизнь впереди... Всё это взятое в совокупности заставляет задуматься над создавшейся проблемой и попы-

таться предложить варианты, которые помогут исправить создавшуюся ситуацию в лучшую сторону.

В статье 27.12 КоАП РФ приводится легальное определение лица, подлежащего освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения, а именно: «Лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, либо лицо, в отношении которого вынесено определение о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.24 настоящего Кодекса, подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения в соответствии с ч. 6 настоящей статьи [2]. Российский законодатель пытается максимально сократить количество данных лиц на дорогах. Этим обуславливается широкое регулирование вопроса о прохождении освидетельствования и направления на прохождение медицинского освидетельствования в российском законодательстве. Помимо Кодекса об Административных Правонарушениях Российской Федерации, существуют и подзаконные нормативно-правовые акты Федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, такие как: Постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475 «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформле-

ния его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством», Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». Кроме того, «исполнительная власть в лице Министерства финансов Российской Федерации с 13 июня 2016 г. в очередной раз подняла минимальную стоимость (не ниже 190 руб.) за 0,5 л водки» [3, с. 37]. Данный факт говорит о проведении фискальной политики государства с целью ограничения покупки гражданами данного крепкого алкоголя и как следствие сократить число лиц, управляющих транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Данная мера, к сожалению, применяется сотрудниками дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России достаточно часто, наряду с задержанием транспортного средства поскольку предусмотрена как мера обеспечения по целому ряду административных правонарушений, например ч. 2 и 3 ст. 11.8, ч. 1 ст. 11.8.1, ч. 1 ст. 12.3, ч. 2 ст. 12.5, ч. 1 и 2 ст. 12.7.

Если обобщить положения ст. 27.12 КоАП РФ, то можно сделать вывод о том, что отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения осуществляются должностными лицами в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи. Об отстранении от управления транспортным средством, а также о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения составляется соответствующий протокол, копия которого вручается лицу, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении. В протоколе об отстранении от управления транспортным средством соответствующего вида, а также в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения указываются дата, время, место, основания отстранения от управления или направления на медицинское освидетельствование, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о транспортном средстве и о лице, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Протокол об отстранении от управления транспортным средством, а также протокол о направлении на медицинское освидетельствование на состояние

опьянения подписывается должностным лицом, их составившим, и лицом, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении. В случае отказа лица, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, от подписания соответствующего протокола в нем делается соответствующая запись. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и оформление его результатов, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения осуществляются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функцию по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения. Акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения или акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения прилагается к соответствующему протоколу. Копии акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения вручаются лицу, в отношении которого они были составлены. Проанализировав законодательство, регулирующее вопросы проведения освидетельствования и направления на медицинское освидетельствование, можно сделать вывод о том, что между ними наблюдается некоторая коллизия. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475 «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством» достаточными основаниями (критериями), дающими основание полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии алкогольного опьянения являются: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение

окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке [4]. Однако в соответствии с Приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» таких критериев выделяется лишь 4: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы и шаткость походки; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица [5]. Наверное, следует полагать, что либо Правительство Российской Федерации более детально подошло к определению критериев, чем Министерство Здравоохранения Российской Федерации, либо Министерство Здравоохранения Российской Федерации специально не стало указывать пятый критерий, оставив этот вопрос на внутренние убеждения суда, сказать сложно. Следует отметить, что оба списка критериев являются закрытыми и если и будут расширяться, то только путём внесения поправок к данной статье, либо после принятия нового КоАП. Проанализировав ранее действующий Приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения», можно сделать вывод о том, что в ранее действующем Приказе вопрос данных критериев был урегулирован более детально. Так, в Приказе выделялись следующие критерии: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке; выраженное дрожание пальцев рук; наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе, определяемое техническими средствами индикации, зарегистрированными и разрешёнными для использования в медицинских целях и рекомендованными для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения [6]. То есть в ранее действующем Приказе было ещё 2 дополнительных основания. Хотелось бы верить, что их исключение не обусловлено лоббированием интересов определённых групп населения, а связано с экономией законодательного пространства. Справедливости ради, также стоит отметить что Приказ Министерства Здравоохранения Российской Федерации от 14 июля 2003 г. № 308 в зависимости от результатов освидетельствования предусматривал вынесение заключение с одной из следующих формулировок: состояние опьянения не установлено; установлено состояние опьянения. Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г.

№ 933н дополнительно установил ещё одну формулировку – от медицинского освидетельствования освидетельствуемый (законный представитель освидетельствуемого) отказался.

Безусловно, водитель, который управляет транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения является правонарушителем (а иногда и преступником) и потенциально подвергает опасности как себя и своих пассажиров, так и окружающих. Но ведь мы живём в правовом государстве, в котором все равным перед законом и судом, поэтому порядок проведения освидетельствования и направление на медицинское освидетельствование должно проводиться с полным соблюдением его порядка установленного законодательством Российской Федерации. Проанализировав судебную практику, можно сделать вывод о том, что правоприменитель в большинстве случаев оставляет решения судов первой инстанции без изменения, с чем я согласен, но только если действительно был полностью соблюден установленный порядок. Но, к сожалению, так происходит не всегда. Так, в октябре 2017 г. Судья Октябрьского районного суда г. Иркутска С. Удовлетворила жалобу защитника П. Согласно протоколу об отстранении от управления транспортным средством и акту освидетельствования на состояние алкогольного опьянения при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении отсутствовали понятие, поскольку велась видеозапись. Однако на приобщенном к материалам дела диске отсутствует видеозапись, фиксирующая проведение вышеуказанных процессуальных действий. Как следует из материалов административного дела, еще при рассмотрении дела в мировом суде указанная видеозапись имела «технические недостатки» в связи с чем, мировым судьей запрашивалась копия указанной записи. Согласно ответу ОБДПС ГИБДД МУ МВД России «Иркутское», направить дубликат записи не представляется возможным в связи с утерей видео файлов. Формально-юридически в данной ситуации имело место быть нарушение порядка предусмотренного ст. 27.12 КоАП РФ. Но фактически всё было выполнено в соответствии с законом, однако копию диска почему-то предоставить не удалось. Имела ли в данной ситуации место коррупционная составляющая или же простая халатность должностных лиц сказать трудно [7].

Список литературы

1. Госавтоинспекция [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: гибдд.рф (дата обращения 20.03.2018).
2. Кодекс об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – № 256. – Ст. 284.

3. Васильев В. В. Нормативная регламентация и практика применения медицинского освидетельствования на состояние освидетельствования как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренной статьёй 27.12 КоАП РФ: сравнит.-правов. анализ // Отраслев. проблемы юрид. науки и практики. – 2016. – № 4. – Ст. 36–40.

4. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством : постановление Правительства РФ от 26 июня 2008г. № 475 // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 39. – Ст. 435.

5. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) : приказ Минздрава России от 18 дек. 2015 г. № 933н // Собр. законодательства РФ. – 2015. – № 51. – Ст. 387.

6. О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения : Приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308 // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 36. – Ст. 435.

7. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: sudact.ru (дата обращения: 4.03.2018).

О необходимости введения уголовной ответственности за незаконное обогащение

© Кузнецов Р. Д., 2018

Р. Д. Кузнецов

студент 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: roman.kuzneczov.98@gmail.com

Научный руководитель:

П. В. Никонов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет ИГУ, e-mail: Nikonov_PV@mail.ru

Аннотация: В данной научной статье рассматривается проблема имплементации положений о незаконном обогащении Конвенции ООН о противодействии коррупции в российскую правовую систему, рассматривается обоснованность и правовая возможность реализации ст. 20 Конвенции.

Ключевые слова: коррупция, незаконное обогащение, активы, декларирование доходов, Конвенция ООН о противодействии коррупции.

Коррупция, на современном этапе развития российского государства, представляет собой заметную проблему, которая проникает во все сферы государственного управления, поражая самые важнейшие институты государственной власти, от которых зависит безопасность Российской Федерации и благополучие её граждан. К сожалению, до настоящего времени российский законодатель не выработал эффективного законодательного механизма для пресечения преступной и губительной деятельности должностных лиц, так согласно индексу восприятия коррупции, ежегодно публикуемому Transparency International, Россия находится в числе 50 наиболее коррумпированных стран мира [1].

Согласно действующему российскому законодательству, коррупция – это дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [12].

В 2017 г. количество выявленных правоохранительными органами преступлений коррупционной направленности продолжает снижаться, так, по данным ГИАЦ МВД России, за период с января по сентябрь 2017 г. количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности составило 24 856 (по сравнению с предыдущим периодом на 6,6 % меньше), из которых раскрыто 21 233 (меньше на 8,2 % чем в

предыдущий период) [11]. В структуре преступлений коррупционной направленности доминируют получение взятки, дача взятки, посредничество во взятке, а также коммерческий подкуп.

К сожалению, отмечаемое снижение числа выявленных преступлений коррупционной направленности обусловлено не уменьшением уровня коррупции в стране, а недостаточно результативной работой правоохранительных органов в условиях крайне высокой латентности коррупции, что подтверждается результатами социологических исследований [3, с. 33].

Актуальные вопросы борьбы с коррупцией среди должностных лиц не раз поднимались перед мировым сообществом, признавая тот факт, что данное антисоциальное явление представляет собой угрозу демократическим институтам государств, причиняя ущерб экономике и правопорядку. Коррупция уже не представляет из себя локальную проблему отдельных государств, она превратилась в транснациональную проблему, которая затрагивает интересы всего мирового сообщества, что обуславливает высокое значение координации и сотрудничества между государствами для борьбы с ней. Целый ряд международных нормативных актов посвящено борьбе с коррупцией, особое значение среди которых занимает Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» без каких-либо оговорок, в

данном законе Российская Федерация распространила свою юрисдикцию на ряд статей Конвенции, однако в список данных статей не включена ст. 20 Конвенции, предусматривающая ответственность за незаконное обогащение. Сама же конвенция не предусматривает каких-либо оговорок или ограничений при ратификации данного международного соглашения, поэтому, некоторые ученые полагают, что что Конвенция, ратифицированная Российской Федерацией, действует без каких-либо изъятий и в полном объеме [9, с. 99].

Конвенция ООН против коррупции определяет перечень наиболее опасных коррупционных преступлений и относит к числу обязательно подлежащих криминализации в национальных законодательствах. Несмотря на это, вопрос криминализации незаконного обогащения до сих пор остается не решенным.

Дословно в Конвенции указывается, что «при условии соблюдения конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно-наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» [5].

Вообще прямое и непосредственное применение норм международного права, предусматривающих уголовную ответственность в российской судебной практике невозможно в силу действия принципа законности в уголовном праве, исходя из которого преступность деяния определяется только Уголовным кодексом РФ. Международные договорные нормы, предусматривающие уголовную ответственность, требуют имплементации в уголовном законодательстве Российской Федерации [7, с. 113–114]. Вместе с тем, согласно положению ст. 65 Конвенции, которая регламентирует механизм осуществления Конвенции, предписано, что каждое государство-участник принимает необходимые меры для осуществления своих обязательств согласно Конвенции.

Среди противников введения уголовной ответственности за незаконное обогащение преобладает мнение о том, что введение соответствующих изменений в Уголовный кодекс РФ нецелесообразно и даже невозможно в силу расхождения с основополагающими принципами российской правовой системы и с положением ч. 2 ст. 49 Конституции РФ, которая гласит, что обвиняемый не обязан доказывать свою невинов-

ность, поэтому реализация идеи ответственности за незаконное обогащение без ущерба для принципиальных основ российской правовой системы видится в развитии института обязательств вследствие неосновательного обогащения [4, с. 84].

С подобными мнениями можно согласиться лишь отчасти. Действительно, незаконное обогащение в интерпретации предложенной Конвенцией не в полной мере соответствует принципу невиновности, так как бремя доказывания законности приобретенного имущества возлагается на подозреваемого и обвиняемого, что противоречит положениям Конституции. Справедливости ради следует также отметить, что по общему правилу признание вины лица в совершении преступления в силу недоказанности обратного, есть ни что иное как объективное вменение [6, с. 806], которое напрямую запрещено Уголовным кодексом РФ. Однако, применяя положения незаконного обогащения к должностному лицу, эти правила могут не срабатывать. Объясняется это тем, что у государственных и муниципальных служащих имеются особенности в их конституционно-правовом статусе с соответствующими ограничениями. Так, Конституция РФ допускает ограничение конституционных прав в отношении должностных лиц на законном основании. Представляется, что введение в УК РФ нормы о незаконном обогащении, основываясь на отсутствии подтверждения законности источников увеличения активов, предполагает переложение бремени доказывания на подозреваемого (обвиняемого) согласно добровольным обязательствам, принятым при поступлении на государственную или муниципальную службу, вытекающим из ст. 55 Конституции РФ [3, с. 37].

Данную позицию неоднократно в своих решениях поддерживал Конституционный суд, указывая, что гражданин, реализуя право на свободное распоряжение своими способностями к труду путем поступления на государственную службу, добровольно избирает профессиональную деятельность, занятие которой предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении им конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей, возложенных на государственных служащих сообразно соответствующему виду государственной службы [10]. Специфика этого статуса налагает определённые ограничения и запреты, которые нельзя рассматривать как умаление конституционных прав такого лица.

Обращая внимание на зарубежную судебную практику необходимо отметить, что Европейским межнациональным судебным органом

были сформулированы требования к условиям законности и обоснованности при привлечении к уголовной ответственности за незаконное обогащение [2]. Так, Европейский суд по правам человека при принятии решения по делу установил, что презумпция виновности должностного лица в отношении незаконного обогащения будет правомерной в том случае, если были соблюдены разумные пределы обвинения и предоставление реальной возможности опровержения выдвинутой презумпции. Под разумными пределами обвинения понимается процессуальная доказанность факта несоответствия законных доходов с активами должностного лица. В части возможности обвиняемого на опровержение презумпции виновности, то здесь Европейский суд указывает на то, что за обвиняемым сохраняется право на разумное объяснение источников происхождения имущества. Вместе с тем судом отмечено, что молчание обвиняемого в совокупности с достаточными доказательствами несоответствия законных доходов и активов должностного лица, может послужить основанием для обвинительного приговора.

Проводя анализ содержания антикоррупционного законодательства можно сделать вывод о присутствии в российском законодательстве правовых норм, регламентирующих сходные с незаконным обогащением институты. Исходя из этого некоторые ученые высказывают свою позицию, согласно которой нет необходимости введения уголовной ответственности за незаконное обогащение, поскольку в законодательстве уже содержатся уголовно-правовые нормы, представленные через институт конфискации имущества и наказания в виде кратных штрафов за преступления коррупционной направленности [7, с. 119]. Однако не следует отождествлять данные нормы с ответственностью за незаконное обогащение. Конфискация имущества и кратные штрафы как уголовно-правовые нормы подлежат применению только в случае установления предикатного преступления, т. е. первичного деяния, совершение которого обусловило незаконный доход [6, с. 802].

Недостаток данных норм состоит в их ограниченности применения, конфисковать можно лишь то имущество, в отношении которого установлен факт его незаконного получения (например, при получении взятки), а всё остальное имущество, полученное в результате коррупционной деятельности лица будет оставаться его законной собственностью.

Стоит также обратить внимание на Федеральный закон № 230-ФЗ от 3 декабря 2012 г. «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», который вступил в силу более

4 лет назад с 1 января 2013 г. В соответствии со ст. 16, 17 этого закона все материалы, полученные в ходе проверки расходов должностных лиц, а также их близких родственников, свидетельствующие о несоответствии их доходам должны в трехдневный срок после завершения проверки направляться в органы прокуратуры лицами, принимавшими решение об осуществлении контроля. Генеральный прокурор РФ и подведомственные ему прокуроры субъектов федерации при получении таких материалов должны обращаться в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций, долей и паёв в уставных капиталах организаций в установленном законодательством о гражданском судопроизводстве порядке, если лицо не представило сведений, подтверждающих законность приобретенных активов. Данная норма есть ничто иное как ответственность за незаконное обогащение, только она находится в административно-правовой плоскости, а не уголовной, как это предписывается Конвенцией. Необходимо также отметить тот факт, что напрямую законом установлена обязанность должностного лица подтвердить законность приобретения активов.

Со времени вступления в законную силу нормы этого закона не заработали, в органы прокуратуры такие материалы не поступают, а поэтому в суды прокуроры и не обращаются [9, с. 100]. Таким образом, можно сделать вывод о неэффективности существующих механизмов противодействия незаконному обогащению.

Полагаем, что рекомендации Конвенции ООН против коррупции криминализовать такое коррупционное поведение, как незаконное обогащение необходимо учесть и российскому законодателю, тем более, что препятствий этому нет. В этой связи мы предлагаем имплементировать в российский Уголовный кодекс такую норму, изложив ее в следующей редакции:

Статья 291.1. Незаконное обогащение должностного лица

1. Умышленное незаконное обогащение должностного лица, состоящее в значительном увеличении его активов, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать, – наказывается (преступление небольшой тяжести);

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность в Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается (преступление средней тяжести)

Примечание: под значительным увеличением активов следует понимать денежные средства

(или их эквивалент) в сумме в три и более раза лица за последние три года.
превышающей законные доходы должностного

Список литературы

1. Corruption Perceptions Index 2014. Transparency International [Electronic resource]. – URL: <https://www.transparency.org/cpi2014>.
2. Integrating Human Rights in the Anti-Corruption Agenda: Challenges, Possibilities and Opportunities [Electronic resource] // Department for International Development. – URL: [http://r4d.dfid.gov.uk/PDF/Outputs/ICHRP/integrating-humrights\].pdf](http://r4d.dfid.gov.uk/PDF/Outputs/ICHRP/integrating-humrights].pdf).
3. Волков А. Н. Актуальные вопросы законодательного обеспечения ответственности государственных служащих за незаконное обогащение / А. Н. Волков, О. В. Дамаскин // Современ. право. – 2012. – № 4. – С. 32–38.
4. Козлов Т. Л. Основные направления развития правового регулирования противодействия коррупции в органах власти // Диалектика противодействия коррупции : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. (7 дек. 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 80–86.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 окт. 2003 г.) // Рос. юстиция. – № 4. – С. ??
6. Лобач Д. В. Проблемы имплементации международно-правовой нормы о незаконном обогащении в российское законодательство / Д. В. Лобач, Е. А. Смирнова // Всерос. криминол. журн. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 801–811.
7. Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идей в правовой системе Российской Федерации // Уголов. право. – 2012. – № 2. – С. 113–119.
8. Михайлов В. Статья 20 Конвенция ООН против коррупции об ответственность за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идей в правовой системе Российской Федерации // Уголов. право. – 2012. – № 2. – С. 113–114.
9. Незаконное обогащение как угроза национальной безопасности России / В. П. Моисеев, А. В. Моисеева // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 мая 2016 г.). – Иркутск, 2016. – С. 97–103.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.
11. Общие сведения о состоянии преступности за январь – сентябрь 2017 г. [Электронный ресурс] : стат. данные // ГИАЦ МВД России : сайт. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/11341800>.
12. О противодействии коррупции : федер. закон РФ от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Парламент. газ. – 2008. – 31 дек. – № 90.

Проблемы правовой природы договора доверительного управления исключительными правами

© Леер А. Д., 2018

А. Д. Леер

Управляющий партнер юридической компании «Лекс Альянс», г. Москва, e-mail: leer@lexalliance.ru

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к определению правовой природы договора доверительного управления исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности. Автором исследуется как доктринальное обоснование правовой природы указанной договорной конструкции, так и аргументация, изложенная в судебной практике.

Ключевые слова: договор доверительного управления, исключительные права, объекты интеллектуальной собственности.

В последнее время возрастает заинтересованность в создании объектов интеллектуальной собственности. Во многом это связано с тем, что законодатель стал уделять больше внимания механизмам правового регулирования и защите интеллектуальной собственности.

Увеличение объема созданных объектов интеллектуальной собственности стало предпосылкой, в том числе, и для более широкого применения договорных конструкций, которые прямо не указаны в ч. 4 ГК РФ. Одной из таких конструкций, является договор доверительного управления исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности.

При этом, в целом институт доверительного управления имуществом, распространенный в зарубежных странах, в российском законодательстве до конца не урегулирован и все еще находится в процессе развития.

Применение данного института по отношению к интеллектуальной собственности вызывает определенные споры. По своей природе доверительное управление имуществом представляет собой обязательственное правоотношение, но в российской правовой системе развивалось как институт вещного права. Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, «право собственности тесно связано с материальностью своего объекта, тогда как у исключительного права материального объекта нет» [3, с. 453].

Точка зрения, согласно которой исключительные права не могут передаваться в доверительное управление, так как исключительные права не являются имуществом, нашла свое подтверждение и у других авторов. Так, согласно утверждению А. И. Савельева, конструкция договора доверительного управления представляет потенциальную опасность для российского оборота прав на интеллектуальную собственность» [7]. Применение конструкции договора доверительного управления исключительными правами возможно преимущественно в договорах доверительного управления комплексом

имущественных прав (например, в составе предприятия) [5, с. 34].

Таким образом, указанная позиция сводится к тому, что нормы российского гражданского законодательства о доверительном управлении в сфере интеллектуальной собственности не учитывают природу исключительных прав и их отличие от вещных прав.

Итак, в соответствии с действующими нормами ГК РФ (п. 1 ст. 1012 ГК РФ), по договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя).

Пункт 1 ст. 1013 ГК РФ предусмотрено, что исключительные права являются одним из объектов договора доверительного управления.

Чаще всего стороны заключают договоры доверительного управления в отношении аудиовизуальных произведений, товарных знаков, изобретений и фотографий.

При определении правовой природы доверительного управления исключительными правами в науке сложилось две позиции.

Сторонники **первого подхода** считают, что передача или предоставление права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации доверительному управляющему возможна. Так, З. Э. Беневоленская утверждает, что «доверительное управление имуществом может повлечь уступку исключительных прав», и предлагает не применять к доверительному управлению исключительными правами положение второго абзаца п. 1 ст. 1012 ГК РФ, поскольку названное положение «в общем и целом проистекает из так называемой проприетарной теории исключительных прав, которая сама по себе небесспорна» [1].

На основании данного подхода можно сделать вывод, что договор доверительного управления относится к договорам о распоряжении исключительными правами на интеллектуальную собственность, несмотря на то, что договор доверительного управления не указан в ст. 1233 ГК РФ.

В судебной практике поддерживается такая позиция. Так, например, в одном из Постановлений Судом по интеллектуальным правам был сделан вывод, что доверительный управляющий вправе защищать переданные по договору доверительного управления права такими же способами, которыми обладает правообладатель.

Согласно **второму подходу**, переход или предоставление права недопустимы, доверительный управляющий осуществляет действия по управлению правами, не обладая ими. Так, О. А. Городов, считает, что «поскольку переход права собственности на имущество к доверительному управляющему по принятой схеме управления недопустим, очевидна аналогия и с переходом исключительных прав. Их полная уступка по предлагаемой законодателем модели недопустима, или, говоря другими словами, передача исключительных имущественных прав в доверительное управление не влечет их уступки доверительному управляющему» [2].

Другой специалист в области права интеллектуальной собственности А. В. Макаричев указывает на то, что «договор доверительного управления не относится к категории договоров, направленных на передачу имущества, а относится к группе обязательств по оказанию услуг» [3].

Данные выводы поддерживаются также и другими специалистами, которые указывают на то, что договор доверительного управления исключительными правами, в отличие от договоров о распоряжении исключительными правами, представляет собой договор об оказании услуг, учитывая, что по договорам о распоряжении исключительными правами пользователь приобретает для себя исключительное право или право использования объекта в своих интересах за вознаграждение, выплачиваемое правообладателю.

По договору доверительного управления доверительный управляющий лишь осуществляет действия по получению дохода учредителем управления с помощью чужих прав за вознаграждение, выплачиваемое доверительному управляющему за оказанные услуги. При этом полномочия доверительного управляющего могут охватывать как использование им охраняемых объектов в интересах учредителя управления (выгодоприобретателя), что предполагает наличие лицензионных отношений, так и рас-

поряжение исключительными правами, то есть предоставление другим лицам прав на использование объекта, но не в качестве самостоятельного правообладателя, а в качестве посредника, хотя и от своего имени. При этом доверительный управляющий вправе осуществлять деятельность по реализации правомочий обладателя исключительных прав, а не выступать исключительно посредником в отдельных сделках или действиях, иначе договор доверительного управления может быть трансформирован в договор поручения, комиссии или агентский договор [6].»

Несмотря на научные подходы относительно правовой природы договора доверительного управления исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности, конструкция договора доверительного управления в отношении исключительных прав на интеллектуальную собственность все же используется на практике. При этом объектом доверительного управления может быть не только исключительное право в целом, но и права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, возникающие из лицензионных договоров.

На практике в доверительное управление передаются отдельные правомочия как по лицензионному договору. В качестве примера можно привести договоры доверительного управления ООО «Маша и медведь», по которым в доверительное управление переданы право на воспроизведение, право на распространение, право на переработку персонажей мультипликационного сериала.

Существенными условиями договора доверительного управления исключительными правами являются:

- предмет договора (включает услуги доверительного управляющего по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также указание на виды результатов интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, на которые будет осуществляться управление);
- размер и форма вознаграждения управляющему;
- наименование выгодоприобретателя;
- срок действия договора (на основании п. 2 ст. 1016 ГК РФ срок не может быть больше срока действия исключительного права и при этом не превышать пяти лет).

При толковании договора с целью выяснения его правовой природы необходимо выяснить изначальную волю сторон, исходить из наличия квалифицирующих признаков, присутствующих каждому из договоров, и разграничивать договоры об управлении исключительными

правами (доверительное и коллективное), договоры агентирования и договоры об отчуждении и предоставлении прав на охраняемые объекты.

Доверительное управление предполагает осуществление правомочий пользования и владения, а в случаях, предусмотренных в договоре, также правомочия распоряжения. С учетом правового режима нематериальных объектов, а не вещных прав, на которые в большей степени рассчитана терминология доверительного управления, доверительный управляющий обладает как правом самому использовать охраняемый объект, так и распоряжаться правами на него в пределах, установленных договором [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что юридическая природа договора доверительного

управления исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности до конца не сформировалась. В науке по-прежнему открытым остается вопрос о том, можно ли отнести договор доверительного управления исключительными правами к договорам о распоряжении исключительными правами на интеллектуальную собственность.

Несмотря на различные противоречия и пробелы в правовом регулировании, позиция об отнесении договора доверительного управления к договорам о распоряжении исключительными правами представляется обоснованной и подлежащей дальнейшему исследованию.

Список литературы

1. Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства / З. Э. Беневоленская. – М. : Волтерс Клувер, 2005..
2. Городов О. А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования / О. А. Городов. – СПб., 1999. –
3. Макаричев А. В. Доверительное управление в праве интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Макаричев. – М., 2011. –
4. Право интеллектуальной собственности. Общие положения / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – М. : Статут, 2017. – Т. 1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
5. Рузакова О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Рузакова. – М., 2011.
6. Рузакова О. А. Договор доверительного управления исключительными правами / О. А. Рузакова, А. Б. Рузаков // Патенты и лицензии. – 2017. – № 1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
7. Савельев А. И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 4.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Братья Башмаковы, 1914.

Противодействие коррупции в советский период

© Михалева И. А., 2018

И. А. Михалева

аспирант, кафедра конституционного права и теории права, Юридический институт Иркутский государственный университет, e-mail: nikaneit@mail.ru

Научный руководитель:

М. Г. Тирских, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: tirskm@mail.ru

Аннотация. Рассматривается развитие советского законодательства о противодействии коррупции. Дается краткая характеристика отдельным документам. Определяется роль и значение партийного управления в процессе противодействия коррупции. Делаются выводы о причинах коррупции в советском государстве и проблемах противодействия ей.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, противодействие, советский период.

Социально-политические изменения иногда способны приводить и к изменению криминальной ситуации. Радикальные изменения всей системы управления государством, слом старого государственного устройства и формы правления в 1917 г., к сожалению, не привели к искоренению коррупции.

Советское государство породило большое количество чиновников. Круг субъектов должностных преступлений стал настолько широк, что практически каждое виновное в преступном деянии лицо могло быть признано должностным. Госслужащие довольно часто превышали свои полномочия, извлекая из него немалую выгоду.

Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» стал первым в Советской России правовым актом, предусматривавшим уголовную ответственность за взяточничество (лишение свободы на срок не менее пяти лет, соединенный с принудительными работами на тот же срок). Согласно упомянутому нормативному акту наказанию, помимо лиц, виновных в принятии взятки, также подвергаются виновные в даче взятки и подстрекатели, пособники и все прикосновенные к даче взятки служащие.

Кроме того, не был забыт и классовый подход: если взяткодатель принадлежал к имущему классу и стремился сохранить свои привилегии, то он приговаривался «к наиболее тяжелым и неприятным принудительным работам», а все имущество подлежало конфискации.

В 1921 г. Декретом СНК «О борьбе со взяточничеством» вводится освобождение от уголовной ответственности взяткодателей: «Лицо, давшее взятку, не наказывается, если оно своевременно заявит о вымогательстве взятки или окажет содействие раскрытию дела о взяточничестве».

С принятием вышеуказанных декретов дела о взяточничестве были переданы в ведение ре-

волюционных трибуналов, которые имели право назначить, согласно Уголовному кодексу 1922 г., в качестве наказания за совершение данного противоправного деяния высшую меру – расстрел.

Введенный в действие Постановлением ВЦИК РСФСР от 1 июня 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР впервые в истории российского уголовного права содержал обобщенное понятие должностного лица.

Уголовный кодекс 1922 г. предусматривал отдельную главу II «Должностные (служебные) преступления». В примечании к ст. 105 должностные лица определялись как «лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач» [1, с. 58].

Опираясь на Уголовный кодекс 1922 г., можно характеризовать должностное (служебное) преступление как нарушение служащим его служебного долга, его служебных обязанностей.

В начале сентября 1922 г. была создана комиссия по борьбе со взяточничеством при СТО (Совет труда и обороны) и утвержден комплекс мер по борьбе со взяточничеством. Он включал несколько разделов: Меры репрессивно-судебного характера, к которым отнесено усиление ответственности за взяточничество и родственные деяния; ускорение судебного расследования и слушания дел о взяточничестве; усиление аппарата следственных и розыскных органов по борьбе со взяточничеством. Меры законодательного характера, включавшие расширение круга уголовно наказуемых дел в области форм взяточничества; регламентация порядка, условий и форм государственными органами

частным посредничеством и установление публичного надзора за последним; уничтожение системы выдачи мандатов и законодательное регулирование выдачи удостоверений. Меры контрольно-ревизионного характера, такие как, например, «организация во всех стадиях контроля договоров и подрядов и установление коммерческой честности подрядчиков и контрагентов; выяснение вопроса о возможностях точного учета подрядчиков и посредников, как по ведомствам, так и межведомственного». Меры организационного характера – вменение в обязанность всем хозяйственным организациям составление списков специальных лиц, ответственных за борьбу со взяточничеством и обязанность «в самые короткие сроки рассматривать все жалобы, связанные со взяточничеством». Общие меры – «пересмотр и чистка всех хозяйственных органов центральных и местных с точки зрения борьбы с бесхозяйственностью, хищениями и взяточничеством».

15 сентября 1922 г. было принято Положение о ведомственных комиссиях по борьбе со взяточничеством, утвержденное председателем комиссии при СТО.

Совет труда и обороны установил порядок поощрения за содействие в раскрытии взяточничества: премия выдавалась после вступления приговора в законную силу и составляла 10 % от оценки конфискованного у осужденного за взяточничество имущества.

Вскоре была разработана Инструкция по проверке личного состава. Ведомственные комиссии по борьбе со взяточничеством должны были проверить личный состав «с точки зрения благонадежности данного лица в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности».

2 февраля 1923 г. Комиссия по борьбе со взяточничеством при СТО была ликвидирована. Итогом работы комиссий по борьбе со взяточничеством явилось составление и издание в нескольких томах секретных алфавитных списков уволенных комиссиями по борьбе со взяточничеством без права поступления на работу в советские учреждения. Эти списки рассылались по органам ГПУ-ОГПУ и уголовного розыска, которые и выдавали соответствующие справки заинтересованным организациям, предприятиям, учреждениям. В начале мая 1923 г. в эти списки было включено 1650 человек.

21 декабря 1922 г. Правительство РСФСР утвердило «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», запрещавшие прием на работу в них лиц, лишенных этого права приговором суда; лиц, находящихся в близком родстве или свойстве, когда их совместная работа связана с подчинен-

ностью или подконтрольностью одного другому. Не допускалось совместительство должностных лиц на частных предприятиях. Государственные служащие не могли участвовать в какой-либо форме в частной предпринимательской и коммерческой деятельности.

Уголовный кодекс 1960 г. представлял собой более систематизированный свод положений уголовного законодательства. Глава 7 «Должностные преступления» содержала шесть статей об уголовной ответственности за должностные преступления. Составы преступлений данной главы являлись «общими», т. е. описываемые преступления могли быть совершены в любой сфере деятельности должностных лиц. Под должностным лицом в Примечании к ст. 170 УК 1960 г. в рамках главы понималось лицо, постоянно или временно осуществляющее функции представителя власти, а также занимающее постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющее такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию. Под должностным лицом понимались все служащие лица (обладающие описанными признаками), во всех органах власти и на всех предприятиях. Последнее отразило тотальное огосударствление экономики страны и ее институтов в лице учреждений, организаций и предприятий.

В целом история борьбы СССР с коррупцией закончилась вместе с его развалом, не увенчавшись успехом. Стоит отметить, что борьба эта характеризовалась несколькими интересными и важными чертами.

Власти не признавали термин «коррупция», позволив ввести его в употребление лишь в конце 1980-х гг. Вместо этого использовались такие термины, как «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т. п. Такое отрицание существования понятия и явления привело к тому, что государство заранее обрекло себя на неудачу в борьбе с коррупцией. Советская идеология и «правосознание» в большинстве случаев удивительно наивно и неэффективно объясняли причины коррупционных явлений. Так, в закрытом письме ЦК КПСС «Об усилении борьбы с взяточничеством и разворовыванием народного добра» от 29 марта 1962 г. говорилось, что взяточничество – это «социальное явление, порождаемое условиями эксплуататорского общества» [2, с. 174], а в качестве причин коррупции перечислялись недостатки в работе партийных, профсоюзных и

государственных органов, в первую очередь в области воспитания трудящихся; бюрократизм и волокита при рассмотрении законных просьб граждан; плохая работа с жалобами и письмами граждан; грубые нарушения государственной, плановой и финансовой дисциплины и т. п.

Практически тотальная неприкосновенность высших советских и партийных чиновников, многие из которых были коррупционерами.

С коррупцией в госаппарате боролись исключительно его представители, которые были не в состоянии влиять на причины возникновения коррупции, так как зачастую сами же их и порождали.

И, наконец, коррупция нередко выступала в качестве единственного возможного средства

внедрения рыночных отношений в плановую экономику.

Стоит отметить, что во времена перестройки и даже после нее рост коррупции происходил на фоне ослабления государственной машины и сопровождался следующими процессами: уменьшением централизованного государственного контроля, крахом идеологических идей, экономической стагнацией, а затем и падением уровня развития экономики и, наконец, развалом СССР и появлением нового государства Российской Федерации, в котором взяточничество, благополучно пережив царское и советское время, достигло таких невиданных размеров, что стало по сути своей одной из главных проблем современной России.

Список литературы

1. Юрковский А. В. Правовые основы противодействия коррупции : уч. пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – 191 с.
2. Коробеев А. И. Полный курс уголовного права. Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / А. И. Коробеев. – М. : Юрид. центр, 2008. – 1380 с.

К вопросу о проблеме установления предельного возраста для кандидата в президенты Российской Федерации

© Саперова Д. М., 2018

Д. М. Саперова

3-й курс, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: secretar@lawinstitut.ru

Научный руководитель:

Т. А. Машукова, преподаватель кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: mashukova.tatiana@mail.ru

Аннотация. Раскрывается статус Президента Российской Федерации, его правовое закрепление в современном отечественном законодательстве, место в системе государственной службы, специфические особенности его статуса. Обосновывается значимость введения такого института, как предельный возраст занятия поста Президента Российской Федерации с помощью сравнительного анализа Российской и зарубежной практики. Объясняются недостатки отсутствия в российском законодательстве предельного возраста для кандидата в Президенты Российской Федерации путем сравнения с ранее действующими нормами, закрепляющими данный возраст и указания на последствия дальнейшего не закрепления на примере сложившейся в истории практики. Делается вывод относительно данного пробела и предлагаются пути его восполнения.

Ключевые слова: президент РФ, статус президента, предельный возраст.

В современной России Президент несомненно является гарантом Конституции. Компетенция Президента РФ складывается из функций и полномочий, которыми он наделяется как глава государства.

Деятельность Президента Российской Федерации ограничивается системой сдержек и противовесов, одним из элементов которой является сменяемость, признанная в соответствии с анализом конституционных положений гл. 1 («Основы конституционного строя») и гл. 4 («Президент Российской Федерации») конституционной ценностью [1].

Сменяемость власти достижима только при соблюдении ряда смежных условий, таких, как обеспечение справедливого и конкурентного участия в выборах представителей различных партий и движений; отказ от создания дискриминирующих условий для доступа на выборы одних кандидатов или партий и от предоставления «льготного» доступа на выборы другим; формирование избирательных органов, гарантирующих справедливый и равный доступ на выборы всех кандидатов и – что самое главное – объективно и беспристрастно определяющих результат волеизъявления граждан.

Глава 4 Конституции Российской Федерации содержит минимальные условия для замещения поста Президента. К таким условиям, например, можно отнести избрание на прямых и тайных выборах; постоянное проживание в Российской Федерации не менее 10 лет; возраст – не менее 35 лет, однако максимальная возрастная граница не установлена. В связи с этим вопрос о том, в каком возрасте Президент Российской Федерации должен сложить свои полномочия и

необходимо ли установление предельного возраста для замещения должности Президента, является в настоящее время особенно актуальным.

В законодательстве многих демократических стран мира предельный возраст для занятия поста президента не предусматривается (США, Чехия, Польша). В Конституции Итальянской республики пост Президента может занять лицо, достигшее 50-ти лет. В Соединённых Штатах Америки не устанавливается предельный возраст занятия поста Президента, однако, 22 поправкой к конституции, принятой в 1951 г., для Президента устанавливается предел – 2 срока. Также данная поправка предусматривает избрание одного и того же лица на должность Президента более одного раза. Данное ограничение частично объясняется демократичностью традициями пребывания у власти, а также наличием ограничения сроков избрания на должность главы государства (вряд ли нужно ограничивать предельный возраст для занятия должности президента, когда нельзя избираться более чем на два срока).

Президент Российской Федерации предстает одновременно и в качестве главы государства, абстрагировано от ветвей власти, однако, несомненно, связанного с ними наличием полномочий каждой из них и (или) различными не менее перспективными методами влияния на них, в качестве настоящего руководителя федеральных органов исполнительной власти. Некоторые ученые оценивают объединение полномочий главы государства и фактического руководителя Правительства негативно [2].

Президент Российской Федерации не является государственным служащим, а потому на него не распространяются возрастные цензы, установленные Федеральными Законами «О государственной гражданской службе» и «О воинской обязанности и военной службе».

Согласно ст. 25.1 Федерального Закона «О государственной гражданской службе» предельный возраст пребывания на гражданской службе – 65 лет. С согласия нанимателя этот возраст может быть увеличен до 70 лет [3].

В соответствии со ст. 49 Федерального Закона «О воинской обязанности и военной службе» предельный возраст пребывания на военной службе для мужчин – 65 лет, для женщин – 45 лет [4].

Предельный возраст, помимо вышеназванных, установлен и для других руководящих должностей. Например, в соответствии с поправками в ст. 330 Трудового Кодекса Российской Федерации должности руководителей, заместителей руководителей медорганизаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ или органам местного самоуправления, а также руководителей филиалов федеральных медорганизаций, замещаются лицами в возрасте не старше 65 лет [5].

В настоящее время российское законодательство принятием различных проектов стремится к увеличению предельного возраста высокопоставленных должностей по мотивам сохранения компетентного и высококвалифицированного руководящего состава.

Исходя из этого можно поставить вопрос о том, чем же Президент отличается от других высших должностей и почему его нельзя отправить в отставку по достижению им пенсионного возраста.

В соответствии с ч. 2 ст. 92 Конституции основаниями досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации являются: отставка, стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, отрешение от должности. К сожалению, порядок ухода в отставку в законе не регулируется.

Как показывает недавний исторический опыт, отсутствие подобных ограничений ведет к появлению на президентской должности недееспособных руководителей, за которых правит их окружение. Президент в преклонном возрасте не всегда может осознавать наличие причин, по которым ему необходимо подать в отставку. Например, душевная болезнь, в связи с появлением которой он не может понимать значение своих действий. Все это может повлечь за собой принятие некомпетентных решений на посту Президента и ухудшить положение государства.

Показателен пример первого Президента РФ Б. Н. Ельцина: уже после президентских выборов 1996 г. состояние его здоровья стало стремительно ухудшаться, в связи с чем он не мог полноценно осуществлять свои обязанности.

Таким образом, можно предложить несколько подходов к установлению предельного возраста Президента: внести поправку в Конституцию Российской Федерации и установить отдельный предельный возраст для Президента с учетом особенностей его статуса; распространение на Президента Российской Федерации предельного возраста, установленного для государственных служащих в соответствии с Федеральными Законами «О государственной гражданской службе» и «О воинской обязанности и военной службе».

Список литературы

1. Алехичева Л. Г. Президент и правительство // Журн. рос. права. – 2011. – № 2. – С. 50–53.
2. Степанова А. А. Конституционные цели и законодательство об организации государственной власти // Конституц. и муницип. право. – 2014. – № 3. – С. 18.
3. Трудовой Кодекс Российской Федерации ... // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
4. О государственной гражданской службе : федер. закон ...
5. О воинской обязанности и военной службе : федер. закон ...

Неисполнение решение региональных органов конституционной юстиции: конституционный деликт или уголовное преступление

© Силевев И. М., 2018

И. М. Силевев

аспирант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Sil96@mail.ru

Научный руководитель:

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, засл. юрист РФ С. И. Шишкин, e-mail: gospravo@lawinstitut.ru

Аннотация: Рассматривается сущность неисполнения решений конституционного суда. Автор, исследуя указанную категорию, рассматривает её с двух позиций как уголовное преступление и конституционный деликт. Кратко анализируются признаки неисполнения решения конституционного суда как уголовного преступления и конституционного деликта.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, конституционный деликт, конституционный (уставный) суд.

На данный момент одним из актуальных вопросов российского конституционного права остается вопрос об эффективности исполнения решений региональных органов конституционной юстиции.

Эффективность исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ зависит от юридической ответственности за неисполнение таких решений. Рассматривая проблематику привлечения к юридической ответственности за неисполнение решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ одними из первоочередных вопросов являются, какие нормы права нарушаются и какой вид юридической ответственности влечет неисполнение решений органов региональной конституционной юстиции.

Правонарушение – это виновно совершенное, противоправное деяние деликтоспособного лица, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству [1, с. 676]. Неисполнение решения регионального органа конституционной юстиции безусловно является противоправным деянием, на что указывается в региональном законодательстве о региональных органах конституционной юстиции.

Во всех законах субъектов РФ о конституционных (уставных) судах субъектов РФ делается отсылка к федеральному законодательству, устанавливающему санкции за неисполнение решений органов регионального конституционного контроля и субъектов, уполномоченных применять такие санкции.

В частности, согласно ст. 99 Закона Иркутской области «Об уставном суде Иркутской об-

ласти» неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению правового акта Уставного Суда Иркутской области влечет ответственность, установленную Федеральным законом.

Согласно п. 2 ст. 73 Закона Республики Дагестан «О конституционном суде Республики Дагестан» неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Республики Дагестан влекут установленную законодательством ответственность.

Таким образом, за неисполнение решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ устанавливается ответственность, установленная федеральным законодательством, однако не конкретизируется какая именно это ответственность. Полагаем здесь возможно применение одного из двух видов юридической ответственности: уголовной или конституционной.

Исследуя вопрос о юридической ответственности за неисполнение решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ следует указать, что такое неисполнение, прежде всего, является неисполнением судебного акта.

В уголовном законе есть норма, прямо предусматривающая ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. В соответствии со ст. 315 УК РФ злостное неисполнение представителем власти, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению вле-

чет уголовную ответственность.

Между тем на практике трудно представить, чтобы уголовная ответственность была применена за неисполнение решения конституционного или уставного суда субъекта РФ. Сложностей здесь, как представляется, несколько.

Первая из них относится к такому обязательному признаку объективной стороны рассматриваемого состава преступления, как злостность. В соответствии со ст. 315 УК РФ, квалифицирующим признаком данного состава преступления является злостность, т. е. деяние совершается лицом неоднократно или продолжается после применения иных мер пресечения и ответственности – дисциплинарных или административных санкций, мер общественного воздействия, а в случае неисполнения судебных актов – после предупреждения суда, сделанного нарушителю в письменной форме.

Второй сложностью является определение субъекта преступления и наличие вины в его действиях. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением является – виновно совершенное противоправное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Субъектом данного состава преступления, выразившемся в неисполнении решения конституционного (уставного) суда субъекта только физическое лицо, т. е. таким лицом может являться глава субъекта РФ, глава МО или иное физическое лицо, занимающее определенную должность, в чьи обязанности непосредственно входит исполнение данного решения конституционного суда субъекта РФ.

Так, уголовная ответственность применяется только к физическим лицам, а лицами, обязанными исполнить решения конституционных и уставных судов чаще всего являются коллегиальные органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления.

В случае если лицом, совершившем правонарушение является коллегиальный орган, невозможно отождествлять вину коллегиального органа с виной каждого отдельного члена этого коллегиального органа.

Так, каждый член коллегиального органа в отдельности не может являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, так как не является лицом, непосредственно его совершившем. А коллегиальный орган не может быть субъектом преступления, т.к. это противоречит принципам уголовного законодательства.

Точка зрения о квалификации неисполнения решений региональных конституционных судов в качестве конституционного деликта находит больше поддержки.

В самом упрощенном понимании конституционно-правовая ответственность – это преду-

смотренные санкциями конституционно-правовых норм меры государственного принуждения в виде определенных лишений/ограничений, которые могут быть применены к гражданам либо их объединениям за совершение конституционного деликта[2, с. 108].

Рассматривая данную точку зрения считаем необходимым подробно изучить вопрос о правовой природе решений органов конституционного правосудия.

В специальной литературе уже многократно изучался вопрос о правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации. Так, решения Конституционного Суда Российской Федерации по своей правовой природе близки к нормам права, обладают следующими свойствами:

1) общеобязательность решения Конституционного Суда Российской Федерации на всей территории РФ или территории субъекта Федерации;

2) окончательность решения Конституционного Суда Российской Федерации, которое является окончательным и обжалованию не подлежит;

3) непосредственность действия решения Конституционного Суда Российской Федерации;

4) непреодолимость решения Конституционного Суда Российской Федерации (юридическая сила решения не может быть преодолена повторным принятием того же акта).

Полагаем, что правовая природа решений конституционных (уставных) судов субъектов схожа по своим характеристикам с правовой природой решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Аналогичной позиции придерживается Л. В. Лазарев, решениям конституционных (уставных) судов субъектов РФ придаются свойства, присущие нормативным актам, ибо такие акты направлены не только на установление, но и на изменение и отмену норм права или на изменение сферы их действия [3, с. 47]

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Адыгея «О Конституционном суде Республики Адыгея» решения Конституционного Суда Республики Адыгея обязательны на всей территории Республики Адыгея для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Согласно ст. 7 Закона Республики Башкортостан «О Конституционном суде Республики Башкортостан» вступившие в законную силу решения Конституционного Суда Республики Башкортостан, а также законные распоряжения,

требования, поручения, вызовы и другие обращения Конституционного Суда Республики Башкортостан являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Республики Башкортостан.

Гилетин А. А. считает, что такие свойства вытекают из особого положения, занимаемого этими судами в системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации и принципа разделения властей, куда суды субъектов входят в качестве самостоятельной и независимой ветви власти. Кроме того конституционный (уставный) суд является высшим судебным органом конституционного контроля субъекта Российской Федерации. Это предопределяет обязательность его решений, принятых в пределах его компетенции на всей территории субъекта РФ, для всех органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также предприятий, учреждений и организаций, должностных лиц, граждан и их объединений [4, с. 45].

Законодательство субъектов РФ о конституционных (уставных) судах содержит правовые нормы, касающиеся исполнения решений этих судов. Его обобщенный анализ показывает, что содержащиеся в нем правовые нормы устанавливают непосредственность действия решений конституционных (уставных) судов. Они не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила решений этих судов о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. Акты или их отдельные положения, признанные не соответствующими конституции (уставу) субъекта РФ, утрачивают силу и не подлежат применению независимо от решения об отмене органами, их принявшими. Решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены. Признание конституционным (уставным) судом нормативного акта либо отдельного его положения (положений) не соответствующими конституции (уставу) субъекта РФ является основанием для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов, основанных на нормативном акте, признанном не соответствующим конституции (уставу) субъекта РФ, либо воспроизводящих его.

Приведенные правовые нормы свидетельствуют о том, что законодателем установлена юридическая нормативность решений судов региональной конституционной юрисдикции, ко-

торая не только распространяется на лиц, участвующих в деле, но и обращена, подобно нормативно-правовым актам, к неограниченному кругу лиц. Это означает, что решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ должны исполняться точно так же, как и любые другие акты, относящиеся к источникам права.

Аналогичные нормы содержатся во всех законах субъектов РФ о конституционных (уставных) судах этих субъектов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о нормативном характере решений органов конституционного контроля, потому что вышеназванные свойства решений конституционных и уставных судов присущи нормативно-правовым актам.

Так, решения конституционных (уставных) судов по своей правовой природе являются нормами права регионального законодательства, обладающими следующими свойствами:

- 1) общеобязательность решения конституционного (уставного) суда на всей территории РФ или территории субъекта Федерации;
- 2) окончательность решения конституционного (уставного) суда, которое является окончательным и обжалованию не подлежит;
- 3) непосредственность действия решения конституционного (уставного) суда;
- 4) непреодолимость решения конституционного (уставного) суда (юридическая сила решения не может быть преодолена повторным принятием того же акта).

Таким образом, юридические факты и оспариваемые правоположения, изложенные в мотивировочной части, следует рассматривать в качестве казуальной гипотезы правовой нормы. Предложенный конституционным (уставным) судом вариант поведения соответствующих субъектов права будет являться диспозицией правовой нормы, а итоговый вывод, содержащийся в резолютивной части решения, – ее санкцией. При этом итоговый вывод о конституционности акта можно рассматривать в качестве санкции с положительным содержанием.

Следовательно, возложение конституционным (уставным) судом обязанности исполнить его решение (например, устранить образовавшийся пробел в законодательстве) на орган государственной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления, имеет нормативный характер.

Таким образом, неисполнение решений конституционных (уставных) судов субъектов, обязанностей, возлагающихся на органы государственной власти субъектов, органы местного самоуправления, будет являться именно неисполнением нормы права. В таком случае неисполнение решений конституционных (уставных) судов будет являться нарушением норм

конституционного (уставного) права субъекта РФ, т. е. конституционным деликтом, и за неисполнение решения регионального органа конституционного контроля возлагается именно конституционная ответственность.

Однако понятие «деликт» едва ли применимо в полном объеме к конституционной ответственности, которая часто наступает и без нарушения права [5, с. 6].

Список литературы

1. Пьянов Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 781 с.
2. Кузьмин И. А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб. пособие / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.
3. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М., 2006. – 277 с.
4. Гилетин А. А. Исполнение решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ : дис. канд. ... юрид. наук / А. А. Гилетин. – Пенза, 2007. С. 194.
5. Зиновьев А. В. Конституционная ответственность // Теория и практика государственного управления. – 2003. – № 4. – С. 6–16.

Социально-политические преобразования и политический режим

© Тирских М. Г., 2018

М. Г. Тирских

кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail; tirskm@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы преобразования политических режимов в условиях социально-политических изменений общества различной природы и интенсивности. Определяются факторы и условия при которых происходит изменение системы методов политического управления. Делается анализ понимания политического режима в условиях существования различных состояний общества.

Ключевые слова: политический режим, социальное преобразование, трансформация, методология государственной власти.

Очевидным фактом является способность государственного управления к изменению. Под воздействием различных факторов, социально-политических процессов, мировоззренческих систем, приобретающих или утрачивающих главенство в обществе методология государственного управления претерпевает заметные, а иногда и кардинальные изменения. При этом, само изменение методологии государственного управления, зачастую является уже запоздалым следствием реагирования государства на возникшие некогда факторы. В таком случае общество обречено на повторение произошедших социально-политических изменений.

Государство, вынуждено использовать различные методы реализации властных функций в связи с возникновением в социальной системе общества разнообразных явлений, способных привести к существенной деформации общественной структуры как в рамках внешнего воздействия (социальная революция, государственный переворот), так и внутреннего преобразования (реформы). При этом, следует понимать, что процесс социального преобразования, протекающего в рамках современного общества неоднороден, и может быть разделён на стадии, следующие друг за другом.

В большинстве случаев можно выделить три стадии, реализуемые в рамках процесса преобразования общества. Первой стадией является возникновение в обществе социальной депрессии, такого состояния социума при котором существующие институты и механизмы политического управления не отвечают потребностям общества и не воспринимаются ни акторами политического процесса, ни индивидуумами, испытывавшими на себе воздействие новых механизмов управления. Социальная депрессия формируется на фоне наличия объективных факторов в том числе: экономических кризисов,

вооруженных конфликтов и т. д. и сопрягается с возникновением у индивидуумов ощущения невозможности изменения ни негативных факторов, воздействующих на общество, ни механизма реагирования на них со стороны государства. Такая установка формирует в обществе стойкое убеждение в необходимости социальных экономических политических и иных перемен. При этом сами перемены, наступления которых так жаждет общество на самом деле не фиксируются обществом, не подвергаются сознательной рефлексии и не облачаются в какие-либо завершённые управленческие формы. Скорее общество готово последовать за той моделью, которая будет представлена ему наиболее красочно и выигрышно на фоне иных альтернативных концепций, либо их отсутствия. Общество доверяет представлению возможной модели политикам реагируя на предлагаемые социальные преобразования. При этом в период социальной депрессии политические акторы как правило не готовы к существенным преобразованиям, которые могли бы пошатнуть стабильность государства, однако воспринимают формируемое состояние социальной депрессии в качестве питательной среды для будущих преобразований с учетом их видения развития ситуации и наиболее предпочтительных моделей будущих преобразований. Общество же ещё не готово предъявлять какие-либо конкретные и обоснованные претензии тем или иным политическим лидерам и структурам власти.

Второй стадией процесса преобразования является социальная реконструкция. Социальная реконструкция может быть определена как состояние общества, при котором существующие социальные институты не отвечают требованиям социальных сообществ и общество (либо отдельные социальные группы) формируют свои претензии к деятельности конкретных по-

литических акторов или структур. При этом, происходящие на данной стадии процесса социального преобразования изменения проявляются посредством деформации сфер, вызывающих социальный протест, одновременно с изменениями механизма социального управления. Это стадия активных изменений социального сознания, деформации общественных ценностей. При этом, в случае, если данный процесс произошел, последующие преобразования становятся практически неизбежными

Наконец, третья стадия процесса социальных преобразований включает в себя собственно изменение системы управления, связанное с осуществлением либо социальной эволюции, либо социальной революции. Такое постреформенное состояние, может быть названо социальной модернизацией и является естественным следствием произошедших изменений.

При том, под социальной эволюцией следует понимать преобразование общества и механизма управления им осуществляющееся при помощи постепенного изменения состояния общества и его структуры, благодаря совокупности иницилируемых государством реформ.

Социальной революцией, в свою очередь, является преобразование общества и механизма управления им, осуществляющееся путем отторжения существующих социальных и политических институтов и заменой их новыми институтами.

Лишь по завершении этих процессов можно констатировать факт стабилизации общества, формирования социальной системы, отличающейся устойчивостью как социальных институтов, так и социальных ценностей.

Анализ преобразований политического режима в условиях социальных и политических преобразований является проблемой, активно анализируемой научным сообществом [1; 2].

В настоящем исследовании мы не будем подвергать пристальному научному анализу понятие политического режима, поскольку в отечественной и зарубежной науке это вопрос решался уже неоднократно, в том числе и автором настоящей статьи [3]. В рамках соответствующих преобразований политический режим, традиционно понимаемый как совокупность методов, средств, способов и приемов осуществления политической власти, не только меняет свое содержание (а в некоторых случаях и вид), но и свою структуру. В условиях политических и социальных преобразований под политическим режимом следует понимать динамически модифицируемое состояние совокупности методов, способов, средств и приемов осуществления политической власти в обществе, а равно отражения с в условиях социума. Возникновение дан-

ного дополнительного свойства политического режима связано в первую очередь с тем, что политический режим с одной стороны, описывая инструментальную характеристику властвования, с другой определяет и состояние подвластных, готовых или не готовых к восприятию соответствующих методов, способов, средств и приемов властвования. При этом, если социальное пространство остаётся стабильным, исследователю нет смысла изучать взаимодействие между социальными группами, поскольку это взаимодействие уже отражено в действующей совокупности средств, методов, приемов и способов властвования. Если же социальная стабильность в обществе утрачена и происходят описанные ранее изменения, мы не можем с точностью сказать, что совокупность методов, средств, способов и приемов властвования не претерпит изменений, скорее наоборот обоснованной будет позиция, предполагающая дальнейшие преобразования методов, средств, способов и приемов политического управления обществом. В свою очередь, динамику такого преобразования можно спрогнозировать основываясь на анализе взаимодействия между социальными группами, т.к. механизмы властвования (включая его методологию) устанавливаются благодаря достижению консенсуса в вопросах социального управления между основными социальными группами.

Следует отметить, что, как правило, трансформация политического режима в условиях общества, переживающего периоды социального и политического преобразования, протекает не линейно, путем перехода от политического режима одного вида к политическому режиму другого вида, а проявляется как совокупность последовательно сменяющих друг друга политических режимов. При этом, фиксация итогового (сравнительно устойчивого) состояния политического режима может быть существенно удалена по времени от момента начального преобразования. Такая удаленность вполне обоснована, учитывая, что периоды социальных и политических преобразований могут длиться десятилетиями.

Исходя из особенностей процесса социально-политических преобразований можно говорить о существовании ряда функций трансформации политического режима в условия таких преобразований. Эти функции основываются на природе социальных и политических изменений и определяют сущностное значение политического режима, как государственно-правового института.

Первой функцией можно назвать конституирующую, основным назначением которой является фиксация состояния политического управления обществом в период социальных преобра-

зований. Благодаря изменению совокупности методов, средств, способов и приемов политического управления, применяемых на практике обществ осознает, что произошедшие социальные и политические изменения привели к стойким изменениям в механизме социального управления. Та, внедрение отдельных институтов прямой демократии после периода авторитаризма, формирует в обществе представление о том, что появившиеся политические принципы (политического многообразия, гласности, выборности должностных лиц и т. д.) реализуясь в применимых на практике методах управления укореняются в социально-политической традиции, становится символическим базисом произошедших изменений.

Второй функцией политического режима в условиях социального и политического преобразования общества следует называть оперативнo-управленческую функцию. Собственно, политический режим необходим, чтобы наилучшим образом управлять обществом, теми процессами, которые протекают в социуме. Для того, чтобы в полной мере реализовать потенциал политического управления в государстве обязательно должна быть сформирована методологическая база, т. е. те методы, средства, способы и приемы, которые используются для целей обеспечения реализации государственно-властных функций. В такой ситуации оперативнo-управленческая функция реализуется на основании двух начал. С одной стороны, это следование принципу целесообразности, выбору наиболее приемлемого метода, средства или способа управления для достижения той или иной конкретной цели. С другой, это следование парадигме существующих социально-политических принципов, отдаление от которых может привести к возникновению негативной социальной реакции и углублению социально-политического кризиса.

Стабилизирующая функция политического режима связана с тем, что политический режим является с одной стороны тормозом на пути внедрения социально-политических новаций, не позволяя их ввести в кратчайшие сроки в сферу политического управления и тем самым оттягивая фиксацию новой власти. С другой стороны, политический режим играет катализирующую роль. Как только в каком-либо государстве, где наблюдаются социальные и политические преобразования появляется механизм обеспечивающий дальнейшее проведение социальных реформ (и стабильность управленческого процесса в связи с этим) такие реформы существенно ускоряются и усиливаются. В таком случае, политический режим становится элементом инфраструктуры властвования в условиях новой социально-политической реальности [4].

Еще одной функцией политических режимов в условиях социально-политических преобразований является структурирующая функция. Фактически при помощи унифицированной методологии политического управления осуществляется распределение прав, обязанностей и ответственности между властвующими субъектами. Фактически благодаря тому, что в рамках политического режима те или иные методы, средства, способы и приемы политического управления дифференцируются и закрепляются за отдельными органами государственной власти, социально-политическими структурами (при этом в зависимости от типа политического режима и его социально-политических и идеологических оснований такими структурами могут быть: политические партии (особенно рамках тоталитарного политического режима для которого свойственно наличие единственной или монополизирующей политической партии), религиозные группы и конфессии (в случае фундаменталистских религиозных режимов), составные группы (в условиях аристократической демократии, или авторитарного режима, функционирующего в интересах какого-либо сословия), экономического класса (в условиях классовой диктатуры), экономической организации (в олигархических режимах), племенной группы (в условиях трайбалистских режимов) и т. д.). Политический режим, фактически фиксирует структуру управления обществом для целей реализации определенных политических интересов и в условиях социальных и политических преобразований становится базисом структурирования процесса политического управления.

Наконец, политический режим реализует ретрансляционную функцию. При любых обстоятельствах совокупность методов, средств, способов и приёмов политического управления обществом, включаемая в политический режим, несет на себе след политических традиций и политической культуры общества. Точно так же трансформация политического режима, основанная на заимствовании методологии политического управления иных государств, способствует ретрансляции политических традиций, культуры и принципов соответствующих государств. Ретрансляционная функция выражается в сохранении отдельных форматов, процедур, а иногда и наименований, имеющих устойчивый идеологический и культурно-исторический оттенок. Так, например, выбор наименования государства Ливийская Джамахирия был сопряжен с распространенным в странах Магриба форматом межплеменного взаимодействия, имея как политические, так и культурно-исторические коннотации. Аналогичным образом, восприни-

мая некоторые методы политического управления присущие политической системе США, Япония и Южная Корея после Второй мировой войны фактически перенимали североамериканские политические традиции и культуру. Данный процесс, безусловно носит не всеобъемлющий характер и никогда не приводит к полной замене политической культуры и традиций, однако степень влияния таких заимствований на политическую систему заимствующего государства является значительной, а порой и фундаментальной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политический режим, трансформируясь в условиях социальных и политических преобразований не только соотносится с сущностью этих

преобразований (что само по себе очевидно) но и выполняет в рамках данного процесса ряд значимых функций, способствующих как преобразованию в обществе, так и укоренению новых политических институтов. При этом в условиях социальных и политических преобразований меняется само содержание политического режима, как особого политико-правового явления. Это позволяет говорить об уникальности политических режимов, формирующихся в процессе социальных и политических преобразований в обществе, способности таких режимов к изменениям, включающим одновременное сосуществование признаков и свойств политических режимов различных видов.

Список литературы

1. Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Обществ. науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55–69.
2. Ревякин С. А. Влияние политического режима на модели разработки стратегии государств // Соврем. проблемы науки и образования. – 2013. – № 6 [Электронное издание]. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11504> (дата обращения 12.01.2019).
3. Тирских М. Г. Трансформация политических режимов: государственно-правовое исследование / М. Г. Тирских. – Иркутск: Ин-т законодательства и правовой информации, 2006. – 246 с.
4. Тирских М. Г. Роль права в стабилизации политических режимов // Сиб. юрид. вестн. – 2012. – № 2. – С. 156–160